

БЕЗЛЮДНЫЙ МИР

Андрей Белянин
Галина Черная

ОТЕЛЬ «У ПРИЗРАКА»

Детектив из Мокрых Псов

Андрей Белянин

Отель «У призрака»

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Белянин А. О.

Отель «У призрака» / А. О. Белянин — «Эксмо»,
2015 — (Детектив из Мокрых Псов)

ISBN 978-5-04-101787-3

Уникальный мир, придуманный Андреем Беляниным! Мир, где обитает кто угодно: черти, ведьмы, вампиры, оборотни, прочая нечисть, кроме... людей. Люди в этом мире – мифологические существа. О них слагают легенды, ими пугают непослушных чертенят... Праздники – не повод расслабляться! Даже если это День тринадцатого снега, самый главный праздник в году. Преступники и террористы не дремлют, и полиции Мокрых Псов тоже надо быть начеку. Ведь кто ещё остановит череду убийств и выступит против беззакония, как не сержант Ирджи Браздинский и его верные товарищи?
Издано в авторской редакции.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101787-3

© Белянин А. О., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	43
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Андрей Белянин, Галина Черная

Отель «У призрака»

Глава 1

Вкус тринадцатого снега

...Я шёл на работу в приподнятом настроении. Стояла на редкость хорошая погода. Сквозь тучи пробивались лучи холодного солнца, на деревьях давно не было ни одного листочка, белые мухи¹ стаями кружили в воздухе, а под ногами скрипел снег. Редкие прохожие, попадавшиеся по пути, были также не улыбочивы и на ходу пытались толкнуть меня плечом. Это невольно умиляло, мягко напоминая нам всем о предстоящем празднике.

День тринадцатого снега – любимое торжество каждого, у кого было детство! И даже те, у кого его не было, типа кобольдов или горных троллей, всё равно не отказывали себе в удовольствии присоединиться ко всеобщему веселью.

Это же главный зимний праздник! Интересно, как его будут праздновать здесь, в Мокрых Псах? Я вспомнил, что моя мама в этот день всегда пекла специальные поляцкие пирожки. С мухоморами и гвоздём! А перед Днём тринадцатого снега у нас был традиционный двухдневный пост. Естественно, все успевали наголодаться и всей роднёй набрасывались на огромное блюдо с пышущими пирожками! Тот, кому доставался гвоздь в пирожке, считался самым счастливым и искренне верил, что ему весь год будет сопутствовать удача...²

Мне же, к несчастью, так ни разу и не достался вожделенный пирожок с гвоздём. Я всегда огорчался по этому поводу, даже не раз пытался подговорить маму, чтобы она заранее показала мне, в каком пирожке гвоздь, но мама лишь смеялась и шлёпала меня полотенцем, чтобы не лез под руку. Как же мне было обидно...

И только когда я уезжал на учёбу в Парижск, на нашей последней дружеской вечеринке вдруг стало понятно, что я единственный из моих друзей и родственников, кто сохранил все зубы! С тех пор я поминал маму и её чудесные пирожки только добрым словом.

Дорожка перед нашим полицейским участком была расчищена. Наверняка постарался рядовой Чунгачмунк, он любит порядок. Я толкнул дверь, вошёл в прихожую под вой демона Уфира³ и едва успел расстегнуть верхнюю пуговицу пальто, как на меня набросились со спины.

– Флевретти, что за шутки?!

Я бы легко справился с тощим и не любящим спорт, как и любые другие усилия (типа ухаживания за женщинами вне Сети), капралом, но просто растерялся от неожиданности. Признаться, первая мысль была, что наш любитель томатного сока попросту сбрендил. А меж тем он явно использовал все силы, пытаясь повалить меня на пол, и делал это вполне серьёзно. Из своего кабинета на меня поднял тяжёлый взгляд комиссар Базиликус.

– Что происходит, шеф?!

– Сержант Браздинский, прекратите сопротивление! А теперь немедленно сдайте удостоверение и бляху! Наденьте на него наручники, капрал.

¹ Единственные насекомые, которые почему-то выбрали зиму, чтобы плодиться и размножаться.

² Разок мой двоюродный племянник решил схитрить и стал глотать пирожки не жуя. В этот день никому не достался гвоздь. Но вечером в больнице мы узнали, кто его съел. Хитреца три дня отпаивали касторкой, и всё равно не удалось избежать операции. С тех пор он стал очень осторожен и любую еду ел маленькими порциями, что не помешало ему до совершеннолетия лишиться ещё двух зубов. Он и гвозди-то глотать начал, потому что потерял уже четыре зуба. Да-да, гвозди к нему так и льнули, везучий был парень...

³ Сигнализация, которую мы не выключали.

Это было как шкафом по голове. Из райских куш родного отделения полиции я словно бы был брошен в самую глубокую бездну беззакония. Всё происходящее казалось страшным фарсом, у меня невольно опустились руки. Я перестал сопротивляться и позволил Флевретти надеть на себя наручники. Меня арестовало родное отделение! Но за что?!

Повернув голову, я увидел у камеры предварительного заключения рядового Чунгач-мунка. Мой друг-индеец сидел на полу, скрестив ноги, закрыв лицо руками, и тихо покачивался из стороны в сторону.

– Да-да, – сурово подтвердил капрал Флевретти. – Ему стыдно за того, кого он считал героем и старшим братом. Он, между прочим, с самого утра так сидит.

Я сжал зубы и решил хранить молчание. Что бы такого они мне ни инкриминировали, всё равно я не знал, что это за преступление. А вот не буду говорить без адвоката...

Меня препроводили в камеру. Комиссар шёл следом и молча следил за исполнением приказа. За мной закрылась железная дверь и лязгнул замок.

– Сержант Браздинский, вы обещали мадемуазель Эльвире завести ферму? – обвинительным тоном начал Базиликус, открыв зарешеченное окошечко.

– Ферму? – В первую секунду я не понял, о чём это он. – Какую ферму?

– Откуда мне знать какую? В которую она играет, видимо. Так вот... Чему вы улыбаетесь? У вас что, совсем совести нет?

Я чуть не расхохотался, но в последний момент чудом смог сдержаться, видя, что комиссар слишком серьёзен и даже начинает багроветь от гнева.

– Я вижу, что вы вовсе не раскаиваетесь в том, что не выполнили своё обещание завести игру «Ферма»! Добавить её в соседи, дойти до какого-то там уровня и подарить мадемуазель Фурье, э-э... – он достал бумажку, чтобы уточнить, — ...двадцать шесть рубинов, позолоченную карету, двух болтливых овец, восемь енотов для стирки, четыре яблони и одного единорога, как она вас и просила. Это возмутительное поведение для офицера полиции!

– Факт, – подленько поддакнул капрал.

– Поэтому посидите-ка здесь, пока не осознаете всю глубину своего морального падения. Если понадобится, хоть неделю. Вы же знаете, что городской судья мой друг и всегда выпишет нужный ордер.

Я покачал головой: если когда-нибудь он в запале ляпнет это вслух при посторонних...

– Подумайте над своим поведением. Флевретти, дайте заключённому сухой паёк в обеденное время, в туалет выводите под охраной. Мне скоро нужно будет уйти.

И шеф с мрачным видом удалился к себе. Но я отметил, что суровость его была уже немного напускной. Старина Базиликус, с горячим темпераментом, но отходчивым сердцем, просто не умел сердиться долго. Если, конечно, преступник не был вором, укравшим всё пиво в городе! Тогда бедолага мог словить на всю катушку...

Капрал сидел за своим компьютером задрав нос и старался не встречаться со мной взглядом. Поэтому мне пришлось сесть на нары, углубиться в интернет с телефона и просто ждать. Добряк Флевретти не выдержал даже десяти минут и с жалостью на лице заглянул меня проведать.

– Ты как, дружище? Конечно, шеф поступил с тобой слишком сурово.

– Ничего, нормально.

– Извини, если я сделал тебе больно, когда набросился. Я иногда могу не рассчитать силы. Наручники не сильно жали?

– Всё в порядке, спасибо. – Я нахмурился и нарочито небрежно поинтересовался: – Значит, Эльвира приходила?

– Да, вот прямо к открытию отделения, – тут же сдал её капрал, состроив сочувственное лицо, хотя в его глазах, как всегда, таилась усмешка. – Пришла с утра, написала заявление на

тебя. Вы разминулись, наверное, на полчаса. Что там у вас с ней произошло, чего она на тебя так взъелась, а?

– И близко не представляю, честно!

Но если подумать... Разве что причина могла быть в неудавшемся свидании. Память услужливо вернула меня во вчерашний день. Накануне Эльвира непрозрачно намекнула мне, что у неё свободный вечер, мама занята братишками... В общем, если у меня есть какие-то предложения на романтический ужин с продолжением (да-да, так она и сказала!), то она буквально два часа назад купила новое парижское бельё и ещё даже не примерила.

Я мысленно согласился с тем, что более откровенного намёка сделать нельзя, и тут же пригласил её к себе. Она, не кокетничая и не ломаясь, пообещала зайти в девять. У меня оставалось не так много времени, чтобы рысью пробежаться по магазинам, закупить всё необходимое и устроить к её приходу настоящую романтическую сказку в лучших поляцких традициях.

Я стянул мрачные серые гардины, расчихавшись от поднявшейся пыли, и повесил розовые занавески в мелкую клетку с оборочками. Скатертью из той же ткани (продавалось набором) накрыл старый стол. Поменял простыни, застелил кровать покрывалом в стиле пэчворк, накинул на грязное кресло вязаный сиреневый плед, очень нежный и мягкий, на стулья – специальные сидушки с весёлым народным узорчиком. Получилось вполне стильно.

Поставил в вазу свежие цветы (с трудом достал как большую редкость в третьем, и последнем, в городе цветочном магазине на самой окраине), пожарил картошку до углей и стейки с кровью. Ну и к указанному часу ждал её с бутылкой вина в домашней фланелевой рубашке в клетку, просторных дырявых штанах и засаленных тапочках. Как видите, домашняя и уютная обстановка, располагающая к приятному времяпровождению, была старательно создана и манила расслабиться...

В девять пятнадцать Эльвира постучала в дверь, я открыл. Она вошла с улыбкой, на миг чмокнув меня в щёку, но уже в следующее мгновение улыбка исчезла с её лица. В её глазах сначала мелькнул шок, потом возмущение, а потом даже испуг, словно она забрела в пещеру какого-то деревенского маньяка из-под Львива. А ведь на всё это ушла треть моей зарплаты!

Я ничего не понял и попытался мягко притянуть Эльвиру к себе, чтобы поцеловать и успокоить, но она оттолкнула меня, влепила пощёчину и сбежала в слезах! Представьте себе моё состояние после такого чудесного свидания. Я даже не успел толком ничего сказать. Вот так и остался молча стоять дурак дураком в дверях, с расцветающим красным отпечатком её пальцев на лице...

Потом уже подумал, что, может, у неё на носу критические дни, и интуитивно решил, что звонить ей не надо, сама позвонит, когда успокоится и будет готова. Теперь было ясно, что интуиция меня подло обманула.

Но поверьте, я не мог даже представить, на что именно она обиделась до такой степени, что пошла писать на меня донос моему же начальнику.

– Что тебе принести на обед, дружище? – заботливо шепнул Флевретти.

– Капрал Флевретти, срочно ко мне! – неожиданно громко рявкнул шеф.

Хм... судя по тону, случилось что-то из ряда вон выходящее. Капрал удивлённо пожал плечами, типа, не представляю, что могло произойти, и поспешил на зов.

Хотя, в принципе, меня это уже не должно волновать. Я же задержанный, верно? Пусть сами расследуют, что бы там ни случилось. Понятно ведь, какие новости могут быть в полицейском участке – сплошь криминальные. Прошло где-то пять минут, я прилёг и сделал вид, что сплю.

Послышались скользкие шаги. Я приоткрыл один глаз. У решётки стоял смуглый индеец Чунгачмунк с непроницаемым лицом. Не глядя на меня, он сообщил:

– Убийство. Большой Отец призывает тебя к себе. Он открыл дверь, выпустил меня и ушёл, по-прежнему не встречаясь со мной взглядом. Похоже, то, что я не сдержал слово, стало

для него настоящим ударом. Он слишком уважал меня и считал для себя примером ещё со времен нашей первой встречи на так называемом лайнере вампиров, когда этот парень из племени Черепах добровольно помог мне в поимке убийцы главы клана вампиров-традиционалистов. А после совместной боевой операции по раскрытию коррупции в верхушке местной полиции в его родном Порксе и фактически спасения города от гражданской войны наша дружба стала ещё крепче. Мы расследовали вместе не одно преступление, помогая и прикрывая друг друга. По крайней мере, так было до сегодняшнего дня...

Комиссар встретил меня угрюмым молчанием. Сейчас я отметил, что он одет не в полицейскую форму, как обычно, а в строгий костюм-тройку. Видимо, переоделся на какое-то семейное мероприятие: они у него постоянно, то у деда юбилей, сотые рога меняет, то у племянницы обрезание хвоста. Я сел на стул и тоже молчал, решив, что не раскрою рта, пока он не начнёт первым.

– Ладно, не сердитесь, Брадзинский. Я должен был как-то отреагировать на заявление мадемуазель Фурье. Как-никак она немало делает для нашего города, мгм... в своей журналистской области.

Услышав это, я невольно поднял взгляд на хвалебную статью, посвящённую (кому бы вы думали?), конечно, нашему комиссару! Газета вышла всего пару дней назад, но он уже успел вставить её в позолоченную рамочку. В статье Эльвира расхваливала шефа полиции за оперативный розыск и арест тролля-карлика по имени Трахляля, совершившего серию налётов на младенцев в колясках, отнимая у них погремушки для своей чёрной коллекции. Мамочки плакали от умиления...

Из этого вы можете судить, какой фигнёй нам приходилось пробавляться в последнее время. Конечно, тот факт, что не было серьёзных преступлений, как я смел надеяться, являлся и нашей заслугой. Хотя, скорее всего, могло быть и просто случайным стечением обстоятельств, светлой полосой. Ну вот, теперь она закончилась.

– Могу я быть уверен, что ваши мелкие обиды не помешают несению службы? – примирительно и даже заискивающе добавил он, искоса блестя хитрыми глазами.

– Какой службы? Вы же меня отстранили.

– Сержант, сержант, можно подумать, вам неинтересно...

– Что произошло? – холодно спросил я, глядя сквозь него.

– Кхе-кхе. Сейчас у меня был звонок, – откашлявшись, построжевшим голосом начал шеф. – В городских коммуникациях, иначе говоря – в канализации, нашли труп. Личность уже известна. Это один из сотрудников страховой фирмы «Могила и Ренессанс», старший помощник главного инспектора местного филиала некий месье Лошар.

Я кивнул. «Могила и Ренессанс» – фирма известная, можно даже сказать, монополист в своей сфере. Она специализировалась на страховании жизни и здоровья трудовых коллективов. Остальные подобные организации просто не могли с этой фирмой конкурировать: она либо поглощала их, либо они сами прогорали.

– Он отправился, чтобы расследовать заявление одного из обслуживающих канализацию слесарей о полученной во время работы травме, и, по словам свидетелей, решил лично осмотреть место, где произошло несчастие. Работают в этих туннелях преимущественно кобольды. Точнее, только кобольды. Это их вотчина, как говорят у вас, славян, «из отбросов руды да в кобольды!».

Я молча кивнул, хотя данная поговорка скорее в чести у грюнвальдских гномов.

– Больше никто в эти трубы, ходы и катакомбы не полезет, не захочет рисковать жизнью. К тому же в нашем городе коммуникационные системы очень старые. На замену в городском бюджете денег нет, поэтому их постоянно ремонтируют. Условия труда там, внизу, ужасные. Но это для нас, точнее, для всех, кроме кобольдов. Они-то народец привычный. А вот помощник

инспектора был обычный чёрт, но взял и полез! А там, похоже, просто провалился в одну из многочисленных выбоин или ямин.

– Она была такая глубокая? – удивился я.

– Нет, не глубже полуметра, – признался комиссар, было заметно, что он бы совсем не прочь спустить это дело на тормозах. – Скорее всего, Лошар споткнулся, ударился головой, на время потерял сознание и... захлебнулся. Ямы в проходах, как правило, всегда наполнены водой. Не хочу думать о чем-то криминальном. Надеюсь, это лишь несчастный случай. Но фирме с такой репутацией, как «Могила и Ренессанс», не нужны скандалы, поэтому кто-то должен всё это проверить и уже тогда сделать окончательные выводы.

– И этот кто-то – опять я?

– Вы мой лучший оперативник, – грубо польстил он.

– Но Чмунк сказал, что это убийство.

– Это я сболтнул сгоряча. Хотя всё возможно. Идите и выясняйте, а то у меня мало времени. Я обещал мэру присутствовать на свадьбе его дочери. В качестве почётного гостя, разумеется. Мадемуазель Эльвира Фурье своей статьёй напомнила окружающим о моей роли в этом городе!

Роли свадебного генерала, сморщив нос, подумал я. Но дело действительно было интересным. По крайней мере, уж куда более интересным, чем сидение в камере предварительного заключения в своём же отделении полиции.

– Значит, я свободен? – едко спросил я.

– Н-нет. Не совсем. Я же не смогу оставить без внимания такое серьёзное обвинение.

– Шеф, вы надо мной издеваетесь?

– Бляху я вам верну вечером. Потерпите. Сами виноваты, офицер полиции – и не сдержал слова! Это не очень-то вас красит, согласитесь. Она популярная журналистка, если поделится с подругами в других изданиях, что я никак не отреагировал, кто-нибудь из них обязательно об этом напишет.

О, конечно, нашего Базиликуса, как всегда, больше всего волнует собственная репутация. Я мог бы догадаться, когда он приказал надеть на меня наручники моим же товарищам...

– Ну что, мы договорились? – Он поднялся с места, отчего зажатое столом огромное пузо заколыхалось, как батут, на котором прыгают довольно крупные дети; пыхтя, обошёл стол и похлопал меня по плечу, как он думал, подбадривающе. – Вы возьмётесь за это дело, сержант, в обмен на возвращение всех регалий и снятие обвинений.

Я пошел к дверям и, уже взявшись за ручку, обернулся:

– Нет, серьёзно. Почему этим не могли заняться капрал Флевретти или рядовой Чунга-чмунк? Вы же так рискуете своим имиджем, позволяя «преступнику» разгуливать по городу, в то время как он должен сидеть за решёткой за то, что не завёл ферму в социальных сетях?!

– Не говорите глупостей, Браздинский! Ну, идите-идите, запрос с адресом у Флевретти.

Я вышел к своим сослуживцам, которых ещё вчера считал самыми близкими чертями в этом городе. Они оба, казалось, ждали этого момента. Потому что Чмунк, виновато пряча взгляд, тут же углубился в какие-то отчёты. А Фурфур, вытянувший было шею из своей каморки, тут же спрятался за экран монитора, принявшись настукивать бессмысленный набор знаков. Детсад какой-то. Но он не сомневался, что выглядит жутко занятым и все в это верят.

– Капрал?

– А, Ирджи! Я тебя и не заметил. Столько работы!

– Столько, что никто из вас не может поехать на место трагедии?

– Трагедии! – неуверенно фыркнул он. – Скажешь тоже. Скорее уж просто место происшествия. Это кобольды привычные к канализациям. А что мне там делать? Я же не следопыт. Такие вещи по части нашего Грозного Томагавка!

– Скользкий Брат просто не хочет там запачкаться, – холодно улыбнулся Чунгачмунк, ни капли не обидевшись на новое прозвище. – А я не могу. Никто из племени Черепях не может спускаться под землю. Мы носим её на своей броне, но боимся темноты и нехватки воздуха, – признался он и покраснел.

Угу, значит, ещё и это. Мало нам того, что он и так при первой опасности превращался в свою тотемную рептилию. Правда, лишь в том случае, если опасность исходила от вампира.

– Комиссар был прав, похоже, я задал глупый вопрос.

Но Флевретти ничуть не смутился.

– Да. И пачкаться я тоже не хочу! У меня, между прочим, сегодня свидание. Одна цыпочка тут на сайте серьёзно на меня клюнула. А я точно как знал, что она в конце концов сдастся. Поэтому ещё в понедельник помылся...

Я прервал его откровения, потребовав адрес и ключи от машины.

– Подожди, а разве подследственному можно брать служебную машину? Шеф бы сказал, чтобы ты ехал на трамвае. Шучу-шучу. Ты что, шуток не понимаешь? – Капрал резко изобразил жуткое веселье.

Я молча взял ключи и направился к выходу, ничем не показывая клокочущее в груди раздражение. Разве что, быть может, слишком сильно хлопнул дверью.

Выйдя на улицу, я окончательно понял, что этот день вовсе не так прекрасен, как казалось всего каких-то полтора часа назад. Добираться надо было аж в другой конец города. Я сел в машину, проложил маршрут в навигаторе и поехал. Теперь мне попадались лишь злобные черти, опаздывающие на работу, горгулии, летающие слишком низко, явно мешая общественному транспорту, курящие в подворотне подростки с недопустимыми христианскими образками на шее, и будь у меня жетон – я бы всех подряд забрал в участок. Настроение, сами понимаете. Может, и хорошо, что жетона не было...

Даже погода изменилась не в лучшую сторону. Вышло яркое солнце, скрылись тучи, потеплело, – похоже, это теперь на весь день. По пути я позвонил в морг, чтобы приезжали за телом, сообщив адрес. Если, конечно, адресом можно назвать канализационный люк на перекрёстке. И примерно через полчаса без пробок сам доехал до нужного места.

Ошибиться было трудно: у открытой крышки люка стояла галдящая толпа кобольдов в спецовках, резиновых сапогах и шлемах с фонариками на лбу. Они размахивали руками, кричали и о чём-то яростно спорили с высоким, представительного вида чёртом с большим животом, казавшимся неестественным для данного телосложения.

При виде полицейской машины кобольды сразу бросились ко мне.

– Коблибе коблиди! Коблинамди, коблини кобляк коблиёкди! – окружили меня кобольды, стараясь наперебой перекричать друг дружку на своём непроизносимом наречии. – Коблиоф коблиурди коблищи коблинап!

Я мысленно проклял всю нашу миграционную службу, допускающую в страну рабочую силу без знания языка. Но чёрт с животом пришёл мне на выручку.

– Разойдитесь, пропустите меня, да? Я глава страховой фирмы «Могила и Ренессанс», точнее, его филиала в Мокрых Псах. Инспектор Жорж Труппенс. С кем имею честь?

Да, типаж явно из тех, которые думают, что у них пекло в кармане. И я, несмотря на правила, обязывающие нас представляться, не стал ему отвечать.

– Где тело? Я надеюсь, вы там ничего не трогали?

– Я, да? О, я даже в люк не протиснусь при всём желании. – Он слегка похлопал себя по пузу.

Для начальника, только что потерявшего старшего помощника, вид у него был слишком жизнерадостный. Однако ему явно не понравилось, что я игнорировал его обращение и протянутую для пожатия руку.

– Кто-то из кобольдов говорит по-парижски? Или вы будете переводчиком?

Инспектор открыл рот, но его опередил один из кобальдов, протиснувшийся вперёд. Выражение грязной физиономии было одновременно суровое и хитроватое.

– Я говорила, – сказал он, сморкаясь прямо в ладонь.

– Кто-нибудь видел, как это произошло?

Он шмыгнул носом, размазывая по лицу остатки соплей.

– Никто не видел. Мы все работаю в одиночку в разных проходах.

– Вы понимаете его, да?

– Не совсем.

– Он имеет в виду, что туннели там такие узкие, что войти в них вдвоём невозможно, да. Можно только одному пролезть. Вот почему местные не особо жалуют эту работу, – опять поспешил мне помочь инспектор Труппенс. – Хотя, честно говоря, и платят здесь гроши. Но то, что гроши у нас, средний кобальд зарабатывает у себя за полгода, да? У них все отрасли экономики ещё в зачаточном состоянии. Даже сельское хозяйство...

– Спасибо, мы все в курсе экономической ситуации в Кольбоджии, – перебил я, и инспектор примиряюще поднял руки вверх, не убирая добродушного выражения с лица.

Я заглянул в открытый люк. Спускаться вниз совсем не хотелось.

– Там есть лестницы. Вот, возьмите это. – Кобальд протянул мне шлем с фонариком.

Кивнув, я надел шлем и, свесив ноги вниз, нащупал ступеньки.

– Мне нужно, чтобы вы пошли со мной, – сказал я кобальду-переводчику.

Он пожал плечами и полез следом, взяв у товарища старинный фонарь для подземных работ: я знал, что кобальды консервативны и любят следовать традициям. Ступенек через двадцать лестница обрывалась, и я спрыгнул на каменный пол. Здесь было сыро, холодно и темно, только слабый свет сверху освещал небольшую круглую площадку, где мы стояли со спрыгнувшим следом за мной проводящим.

Я включил фонарик и огляделся. Отсюда выходило три выложенных камнем узких туннелей, в которые, не пригнувшись, мне было не пройти. К тому же, судя по запаху, желобам по центру пола и текущим в них сточным водам, мы находились прямо внутри канализационных труб. Какой тут был воздух, лучше умолчать.

Кобальд, усмехнувшись, зажёл свой фонарь.

– В первый раз, я смотрю, вы здесь, да? – пошутил он. – Идите за мной.

И кобальд шагнул в левую трубу и очень быстро и уверенно, даже не глядя под ноги, засеменял вперёд. Я, естественно, поспешил за ним, стараясь не отставать, но и не поскользнуться на мокром камне, и ругая себя за то, что не подумал по пути купить в магазине «Всё для рыбалки» резиновые сапоги. Половину пути мне ещё как-то удавалось сохранять уверенный вид. Как полицейский, я не мог показывать слабость. Горожане должны иметь уважение к мундиру, иначе мы просто не сможем выполнять свою работу. Потом стал задыхаться...

Вдруг над нами что-то прогрохотало. Я резко пригнулся и, подняв голову, посмотрел вверх.

– Машина, – пояснил мой проводник. – По люку проехала. Смотрите лучше под ноги.

Я последовал его совету и в последний момент успел увидеть впереди яму, наполненную водой. Кобальд, не глядя, перепрыгнул её. Я тоже прыгнул, но не так удачно. Боялся задеть головой низкий свод, а потому влетел в грязную воду по щиколотки. Неужели у города даже на цемент нет денег, чтобы засыпать эти страшные колдобины? Тут наверняка каких только бактерий и вирусов не расплодилось!

Мы прошли до конца туннеля-трубы и повернули за угол... как вдруг буквально перед моим носом сверху обрушился целый водопад. Вообще-то это была не вода, но лучше не концентрировать на этом внимание. Успевший легко проскочить и не облиться кобальд обернулся и засмеялся. Наверное, у меня и впрямь был огорошенный вид.

– Это из детскоди садади, сверху. В это времяди они обычно выливаюти горшкиди.

– Спасибо за разъяснение, – всё ещё находясь в шоке, пробормотал я, отряхиваясь от долетевших брызг.

Какое уж тут может быть уважение к мундиру, облитому вот таким делом...

– Старая системади. Тут всё течёт в одинди туннельди – и сливные водыди, и дождевые. А потом всё в рекуди!

– Сколько ещё идти? – перебил я, всем сердцем желая побыстрее отсюда выбраться.

– Уже недалекоди, не боитесиди. Может, и повезёт, не обольётесьди больше.

Хорошо бы, но я в это слабо верил: учитывая моё сегодняшнее везение, ещё что-нибудь да случится. Поэтому я даже удивился, когда, повернув в узкий боковой туннель, мы вдруг резко остановились.

– Вот он, бедолагади, – сказал мой провожатый, качнув фонарём на лежавшего на каменном полу лицом вниз мёртвого чёрта в хорошем пальто. – Упалди и захлебнулди.

Здесь действительно была большая яма или, если хотите, выбоина, наполненная водой. В неё, видимо, он и упал. Но как это могло случиться? Неужели Лошар решил спуститься сюда один?

Рядом с телом валялся разбитый фонарь. Похоже, что он споткнулся, уронил фонарь, который разбился и погас, а несчастный остался в темноте, шагнул вперёд, упал в яму, от шока потерял драгоценные секунды и захлебнулся. Или, как предположил шеф, потерял сознание от удара головой и захлебнулся? Но тогда фонарь уже не сыграл никакой роли. Что ещё? Увы, никаких других деталей, раскрывающих картину произошедшего, на первый взгляд видно не было.

– А кто его нашёл? – несколько запоздало спросил я. Нашедшего полагалось бы допросить. Хотя он (или они?), скорее всего, тоже не говорит по-нашему. Или будет делать вид, что не говорит.

– Мы все вместеди, когдади шли на обедди.

«Как-то подозрительно», – подумал я. Он шел к ним один, а они нашли его все вместе.

– Ну если и былди с ним кто-тоди, теперь-то онди не сознается, – как будто читая мои мысли, заметил кобольд. – Раз сам решилди не говориди.

А он неглуп.

– Как вас зовут?

– Маймул-джан.

– А я сержант Браздинский. Извините, что не представился раньше.

– Ничегоди, с нами никтоди не знакомится. Мы ж гастарбайтеди...

Не вдаваясь в проблемы непростого отношения местных жителей к мигрантам, я вновь вернулся к осмотру места происшествия. Выбоина была широкая, но я, проклиная всё на свете, решил прямо в брюках измерить её глубину. Шеф не врал, воды было едва мне по колено. Но утонуть в принципе возможно, особенно если помощник инспектора потерял сознание или был пьян.

– Когда вы его вытащили из лужи, от него случайно не пахло алкоголем?

– Нет. Мы бы почуялиди, нам на работеди пить нельзяди, а хочется-а.

Что ж, с моей точки зрения, всё больше косвенных улик указывало именно на убийство, а не на трагическую случайность. Я присел на корточки рядом с телом и постарался тщательно его осмотреть. Кобольд по моему знаку опустил свой фонарь ниже. Честно говоря, света это практически не прибавило...

– Гематома и большая ссадина на затылке, – бормоча себе под нос, отмечал я. – Зубы плотно сжаты. Почему вы решили, что он захлебнулся?

– Мы же егоди в воде нашлиди. Лицомди вниз. Чё тут ещёди думади?!

– Ну да. Шёл, споткнулся, разбил фонарь, ударился обо что-то затылком и упал лицом в лужу. А зубы покрепче сжал, чтобы захлебнуться через нос, так, что ли? Посветите сюда.

Я поднял с пола разбитый фонарь и сразу же заметил вмятину на днище. Интересно, она тут уже была или появилась от удара по голове жертвы?

– Сегодня же отправим на экспертизу. А вы позовите своих товарищей и вытащите наверх тело погибшего. Его заберёт служба из морга.

– А страховкади? – цапнул меня за рукав кобольд. – Несчастныйди случай, страховкади положена.

– Это уже не моё дело, но полагаю, что её получают родственники? – Я внимательно посмотрел на него.

Маймул-джан немного смутился. Вернее, чего-то испугался, ведь кобольды не умеют смущаться, это известный факт.

– Мы вседи тут родственникиди. Ближайшиди! – решительно заявил он.

– Вы кобольды, а он чёрт, – напомнил я.

– А намди сказалиди...

Похоже, настало время задать вопросы страховому инспектору.

– Хорошо, выясним. А теперь позаботьтесь о вашем «родственнике», и поскорее.

Назад дорога показалась короче и, к счастью, обошлась без приключений. Прямо в туннеле у меня зазвонил телефон. Шеф? Связь тут же прервалась. И хорошо, докладывать пока было особо не о чем, да и разговаривать с ним лишний раз не хотелось. Он же собирался на свадьбу дочки мэра. А теперь сам звонит, общения хочет? «Похоже, на элитном мероприятии не всё так весело», – позлорадствовал я про себя. Телефон зазвонил снова.

– Извините, пока не могу говорить. Желая приятно провести время, – быстро ответил я, отключил связь и взялся за перекладины лестницы, начав подниматься вслед за Маймул-джаном. Скоро мы были уже наверху, и я с облегчением набрал полные лёгкие свежего воздуха.

Инспектор Труппенс всё ещё был там, продолжая шумные разборки с кобольдами. При виде меня он резко оборвал спор, бросил начавших о чём-то подозрительно шушукаться рабочих и вперевалку побежал навстречу.

– Ну что? Несчастный случай? Всё подтвердилось, да? – Он кинул быстрый взгляд на фонарь у меня в руках.

– Это я у вас хотел бы спросить, – вместо ответа заявил ему я. – Вы можете сейчас поехать со мной в участок?

Он заколебался. Но всего на секунду, тут же широко улыбнувшись и состроив удивлённые глаза.

– Конечно, офицер. Но зачем? Я могу ответить на все вопросы прямо здесь, да? И какое я имею отношение к судьбе бедного Лошара...

– Вы боитесь этих кобольдов от несчастного случая?

– Да... Признаться, они довольно часто что-нибудь себе ломают.

– Вот об этом нам и надо поговорить. Об участившихся в последнее время несчастных случаях во время ремонтных работ в канализациях. – Я сказал это интуитивно, но, судя по реакции инспектора, попал точно в цель.

– Значит, вы тоже в курсе? Что бы это значило, да? Он явно занервничал, но тут же взял себя в руки и посерьёзнул.

– На самом деле это проблема. Мы разоряемся на выплатах, да, – сказал он, понижая голос и отзывая меня в сторону. – Мой помощник как раз расследовал очередной несчастный случай, когда с ним произошло это недоразумение, то есть, я хотел сказать, трагедия, да? Чтобы получить страховку и не работать, они всё время подстраивают себе несчастные случаи. Якобы производственная травма, да? Подставив товарищу подножку, сломать ему нос им ничего не стоит.

– И что, даже за сломанный нос платят? – удивился я.

Надо внимательно перечитать свою страховку. Нет, конечно, я не собирался ради каких-то выплат ломать нос, но свои права знать нужно. Хотя о каких правах тут может идти речь, когда тебя могут посадить только за то, что не завел «ферму»?!

– Таковы контракты, на работу сейчас иначе брать нельзя. Правительство следит за соблюдением прав трудящихся, так сказать, да. Закон на их стороне. Вы ведь нам поможете, да? Припугнёте их как следует? Объясните, что за мошенничество и реальный срок схлопотать можно. Они ведь этого не понимают. Вон до чего дошли, да? Уже и первый труп появился!

– На что вы намекаете?

– Я? Ни на что. Это вам делать выводы. – Но под моим суровым взглядом инспектор поспешно продолжил: – Они же тут все друг другу родственники. И их на лицо практически не отличить, да? И фамилия у них одна – Шмякди. Только и ходят получать друг за друга страховки. И попробуй не заплати, да? Они тут же бросают работу! А мэрия налетает на нас с обвинениями, да? Орут по телефону, что, если по нашей вине город зальёт отходами, они нас самих заставят дерьмо лопатами разгребать. Так что проще было заплатить, но они от безнаказанности совсем обнаглели, да-а...

– Хорошо, спасибо за информацию, мы разберёмся. Я с вами свяжусь, – сказал я, отметив, что за годы общения с кобольдами у месье Труппенса даже манера речи стала в чём-то похожей на их акцент.

Тем временем подъехала машина из морга. Двое санитаров-зомби выслушали меня и встали на изготовку у канализационного люка. Сейчас многие госслужбы привлекают зомби на не требующие особой умственной деятельности работы, это существенно экономит деньги, потому что ходячие мертвецы не спят, не нуждаются в зимней одежде и работают за укол физраствора. И чаще всего их можно встретить в моргах, это удобно – где очнулись, там и остались работать.

– Что ж, офицер, мне тоже надо возвращаться в свой кабинет.

– Отлично. – Я холодно посмотрел на него. – Можно я вас сегодня навещу? До которого часа вы будете на работе?

Мне показалось, что Труппенс с хрустом сжал кулаки, но тут же постарался состроить беззаботную улыбку. Плохой актёришка...

– Где-то до шести...

Я отстранённо кивнул и направился к остальным. Кобольды как раз вытащили из люка тело месье Лошара ногами вперёд, и зомби, переложив его на носилки, шатаясь, перенесли в машину. Конечно, работники они получше, чем те же вечно пьяные сатиры, но что-то на словах передавать через них судмедэксперту месье Шабли, который будет делать вскрытие, бессмысленно. Поэтому я просто сделал запись в записной книжке, оторвал листок и пришил его булавкой к груди самого крупного зомби. У каждого из них на одежде было штук десять булавок специально для таких целей.

Увидев моего переводчика, я поманил его пальцем. Он как раз собирался уходить с остальными кобольдами, – видимо, они решили, что пора приниматься за работу.

– Чего вамди ещёди? Я уже сказалди всё, чтоди знал.

– У меня ещё пара вопросов. Ответите, и свободны.

– Ну валяйтеди.

– Я смотрю, вас тут много и ваша работа в канализациях не подразумевает выходных, – издалека начал я.

– Трубыди старые, двести летди не менялисди. Чиним в одномди местеди, в другомди ломаетсди. И так всё времяди! Мэр сказалди – денегди на новые нет.

– Это плохо. Понимаю. Но я хотел узнать другое. В последнее время у вас было много несчастных случаев. В какой больнице лежат ваши товарищи?

– В какой ещё больницы? – хрипло засмеялся Маймул-джан. – Они все здесь! На месте ноги бетонируем и идем дальше.

– Но это же... просто ужасно.

– Да нормально. У нас все быстро заживает. То есть не так быстро, – спохватился он. – Страховка нам все равно положена!

– Само собой. А в какую клинику вы обращаетесь за справкой для получения выплат?

Он заколебался. Но всего на секунду, тут же приняв беспечный вид.

– Да хозяин сам этим занимается. У нас дело не терпит. С работы нас никто не отпустит в больницу. – Он сморщил нос, явно подумав о всяких неженках, ходящих по врачам.

– Инспектор Труппенс? Но зачем ему это? Вроде бы он заинтересован в прямо противоположном? – Я пристально посмотрел на кобальда.

У него забегали глаза, и он неуверенно пожал плечами.

– А кто же тогда? Он же страховку платит. У него спросите. И это... тсс...

Он воровато огляделся по сторонам и приложил палец к губам. А потом у меня на глазах быстро сломал себе тот же палец, ткнув им в фонарный столб!

Наверное, я немножко побледнел, потому что хруст был просто жуткий. Но нахальный кобальд лишь счастливо захихикал, словно показал очень смешной фокус. Спокойно вправил палец обратно и демонстративно покрутил им из стороны в сторону.

– Видите? Други так не могут, только мы.

Я слотнул, сдержанно поблагодарил его за информацию и направился к своей машине.

– Эй, шлем верни!

– Чуть не забыл, – смутился я, останавливаясь и возвращая ему шлем с фонариком для подземных работ.

Похоже, надо серьезнее относиться к этим странным существам из зарубежья, мало ли еще чего они умеют...

Не успел я отъехать и на десять метров, как в кармане опять затрезвонил телефон. Однако на этот раз звонили с какого-то скрытого номера.

– Сержант Бразинский? Выслушайте меня, умоляю! Я видел вас сегодня на месте преступления.

– Кто это?

– Просто друг. Вы меня не заметили, я проехал мимо. Но у меня есть информация для вас. Я честный черт и не хочу больше в этом участвовать.

– В чем участвовать?

– Я сейчас не могу говорить. Я на работе. Меня могут убить за один звонок вам. Но я рискнул. Встретимся в четыре часа дня в пабе «Блохастая псина». – И он повесил трубку.

Если бы я был в столице, то даже районное полицейское отделение легко проследило бы звонок. Но в Мокрых Псах подобное было возможно лишь через кучу разрешений, подписей и личных связей комиссара с мэрией. А просить Базиликаса о таком одолжении мне сейчас совершенно не хотелось. Оставалось только надеяться, что мой таинственный собеседник все-таки объявится.

Подумав, я позвонил в участок. Трубку снял Флевретти.

– Мне нужна помощь.

– Ничего не знаю, гражданин Бразинский, пишите заявление! Шучу-шучу, – весело откликнулся капрал. – Ладно, говори, что хотел. Шеф на свадьбе. Я здесь один.

– А где Чмунк?

– Его тоже нет. Кажется, комиссар еще до ухода дал ему какое-то поручение.

– Святая кровь! – не сдержавшись, выругался я. – У меня сегодня важная встреча в четыре. Хотелось, чтобы вождь подстраховал.

– Ну, если вернётся, я ему передам.

– Не надо, я сам скоро буду.

– А вот этого я тебе не советую. Сразу после твоего ухода приходила Эльвира и сняла с тебя все обвинения. А по нашим законам, ты знаешь, неприемлемое христианское милосердие налагает двойную ответственность. Базиликусу придётся запереть тебя надолго. А кто тогда будет расследовать это дело? Я, что ли? И кстати, ещё я придумал новое прозвище для Чунгачмунка. ПЖП – Пернатый Житель Прерий! Как тебе? По-моему, смешно, а?

Я в ярости оборвал связь, чтобы не выплеснуть в самой нецензурной форме, что я думаю о нём, о комиссаре Базиликусе, об Эльвире, о бывшем друге-индейце и о противоречиях нашего гражданского и этического кодексов, забыв даже, что хотел попросить капрала о помощи. В любом случае сначала следовало заехать в гостиницу, помыться, привести себя в порядок и переодеться.

Пожилая горгулия Ранеффски, зевая на рецепции, поинтересовалась, сморщив нос:

– Где это вы были, месье, в канализации, что ли?

– В точку, мадам, вы просто гений дедукции, – нервно покивал я, спеша наверх.

Она насмешливо оскалила клыки.

В своём номере я поспешил скинуть пропахшую одежду, приготовил горячую ванну и уже было перекинул в неё ногу, как услышал звонок сотового. Пришлось идти брать. Это был комиссар, куда деваться...

– Да, я слушаю.

– Ну как продвигается расследование?

– Мгм... Я позвоню вам через полчаса и всё доложу.

– Нет, сейчас. Потому что мне здесь скучно, тут же одна молодёжь. А с мадам Базиликус мы и дома уже наговорились за пятьдесят лет и ещё настолько же вперёд.

Действительно, на заднем фоне слышался юный смех и современная подростковая музыка, то есть совсем не во вкусе нашего старого комиссара.

– Хорошо, – сжалился я. – У меня был анонимный звонок. Кто-то хочет поделиться с нами информацией.

– Что о нём известно? – воодушевился комиссар.

– Ничего, он отказался себя называть. Обещает передать какие-то важные сведения сегодня в четыре в «Блохастой псине». Говорит, что ему грозит опасность.

– А вот это уже что-то, – явно обрадовался старый чёрт. – Дальше.

– Дальше всё. Если не будет особых указаний, я собираюсь пойти на встречу. А до этого хочу навеститься в страховую фирму – посмотреть все страховки и медицинские справки, выданные кобольдам, хочу узнать, кто их подписывал. Вы были в курсе, что у них почти мгновенная регенерация?

– Только у тех, что кольбоджийцы. По крайней мере, существует такое мнение.

– Так вот, наши все из Кольбоджии! А страховка по здоровью у них такая же, как у обычных кобольдов.

– Это интересно... Вы правы, поработайте в этом направлении. Даже если смерть помощника инспектора не имеет отношения к медицинским махинациям, то всё равно дело нечисто. Кстати, что говорит на эту тему главный инспектор «Могилы и Ренессанса»?

– Он как раз жаловался мне на чрезмерную жадность кобольдов. Уверяет, что сам, а вернее, вся компания страдает из-за постоянных выплат. Но хорошо, мне пора идти, со всем этим столько мороки, – заторопился я, понимая, что комиссар не жаждет останавливать разговор.

А меж тем, кажется, вся комната пропиталась этим канализационным запахом. Даже розовые занавески, и скатерть, и всё убранство в деревенском стиле, оставшееся после вчерашнего неудачного свидания. Вспомнив об Эльвире, я поёжился и, не слушая холодное прощание

комиссара, оборвал связь и отправился наконец в ванную, едва успев выключить воду, которая ещё секунда – и начала бы переливаться через край.

Горячая вода нужна была не только, чтобы смыть с себя нечистоты. Не в последнюю очередь требовалось ещё и прийти в себя после всех стрессов и вновь начать трезво мыслить. Обычно я не принимал ванну днём, но сейчас это было просто необходимостью.

Мне казалось, что сегодня я потерял всё: работу, любимую девушку, товарищей, доверие к начальнику. Вообще доверие к кому бы то ни было. То есть остался один. Абсолютно один в этом чёртовом городе, куда меня забросила злосчастная судьба.

Я ушёл с головой под воду и полежал на дне ванны с закрытыми глазами, чувствуя, что понемногу отпускает. Вынырнув через десять минут (ощущение времени у меня уже профессиональное), я чувствовал себя гораздо лучше. Тяжесть с души (если она у нас, конечно, есть) не ушла, но отпустила. Голова приходила в порядок. Теперь я понял, что хочу есть, но это подождёт: на голодный желудок думается быстрее, пора приниматься за работу.

Ещё десять минут спустя, в чистой одежде и новых ботинках, с гораздо более оптимистичным настроением я вышел из гостиницы, дошёл до машины, завёл мотор и поехал в «Могилу и Ренессанс». Я решил не звонить месье Труппенсу. Хотелось увидеть «радость» на его лице при моем появлении.

Но уже на втором повороте стало ясно, что за мной ведут слежку. Я мельком глянул в зеркало заднего обзора и заметил хвост. Нет, не тот, который мне давно купировали. Чёрная заграничная «Волга» с тонированными стёклами осторожно преследовала меня уже второй квартал. Номера были забрызганы грязью, и того, кто сидит за рулём, тоже не было видно. Хм, подобные иномарки не самая большая редкость в наших краях, но по спине всё равно пробежал невольный холодок. Просто именно на таких машинах разъезжали все самые известные шпионы в старых политических детективах и боевиках.

Еще чуть-чуть, и я дофантазируюсь до того, что стал интересен иностранной разведке. Я резко повернул за угол, заглушил мотор и выскочил на улицу. Повернув следом, «Волга» едва успела затормозить, когда я, перепрыгнув через капот, рванул переднюю дверцу со стороны водителя. Бедняга не подумал её запереть и от моего рывка едва не вылетел на асфальт. Это был долговязый щедушный чёрт в тёмно-синем пальто, похожий на офисного работника.

– Кто вы такой? Зачем вы за мной следили? – Я встряхнул его за грудки и крепко приложил спиной о боковое стекло.

– Отпустите меня, – тонким голосом взмолился мой преследователь, отчаянно пытаюсь вырваться, и я узнал голос, хотя тогда по телефону он и пытался его изменить.

– Это вы мне звонили? – скорее констатировал, чем спросил я.

– Не знаю, о чём вы. Я не вам звонил. Я вообще не звонил. Никому. Никогда!

– Не надо врать. Это были вы. Что вам нужно? Говорите сейчас же! Или, может, вам больше понравится рассказать всё комиссару Базиликусу?

– Нет-нет, не надо. Не надо комиссару, – тут же сдался он, и я ослабил хватку. – Да, это был я. Я правда хочу с вами поговорить. Но не сейчас. Сейчас нас могут увидеть.

– Тогда зачем вы за мной следили?

– Он мне велел. Но не спрашивайте меня больше ни о чём, просто отпустите, если не хотите моей смерти. Пожалуйста! Я всё вам расскажу при встрече. Обещаю!

Поколебавшись, я выпустил его плечи. Он дрожащими руками подтянул галстук, быстро нырнул в машину и резко дал по газам, промчавшись мимо меня на предельно допустимой на этом участке скорости. И вот тут я понял, какую совершил ошибку.

Зачем я его отпустил? Конечно, найти в нашем городе чёрную «Волгу» будет нетрудно. Но это если он живёт в Мокрых Псах, а если нет? Мне нужно было просто отвезти его в полицию, а там нажать и... Ведь он и так уже был готов всё выложить. А теперь?

Теперь он может вообще не прийти на встречу. Передумать, испугавшись, или ему могут помешать. Надо было всё-таки записать номера, но теперь уже поздно. Звонить Флевретти не хотелось. Вместо этого, подумав, я нашёл в своём сотовом номер полицейского управления в Парижске. В общем-то, почему бы и не рискнуть?

Действовать через голову комиссара Базиликуса было неправильно с точки зрения полицейского устава и морали, но меня сейчас волновало другое – по горячим следам выяснить, кто совершил убийство в канализациях и что за интриги плетутся вокруг страховок кобольдов, не особо нуждающихся в них, однако постоянно их получающих.

– Это главное управление? Да, вас беспокоит сержант Ирджи Браздинский, полиция Мокрых Псов. Да, именно так и называется город, Мокрые Псы, округ Дог’ре. Комиссар Базиликус? Он сейчас очень занят и попросил позвонить меня. Потому что это срочно! Нам нужен список лиц, получивших выплаты от страховой фирмы «Могила и Ренессанс» за последние полгода. Да, в местном отделении. Естественно! На фига мне список других округов?! Спасибо. И вы меня простите. Спасибо большое. Будем ждать.

В принципе особых нарушений я не совершил. Ответ придёт на официальный почтовый ящик, к которому имеют доступ все сотрудники. Просто не верил я, что в самой фирме получу достоверную информацию.

Вполне удовлетворённый, я сел в машину, включил зажигание и мягко тронулся с места. В пути думалось легче, казалось, я почти нащупал основную следственную линию, но в этот момент мои мысли прервал резкий трезвон:

Ты ж мэнэ пидманула,
Ты ж мэнэ пидвела,
Ты ж мэнэ бортанула,
Нэгра в хату привела-а!

До сегодняшнего дня эта популярная песня мне казалась очень забавной. Но сейчас – просто отвратительной! Тем более потому, что это была Эльвира. То есть не взять трубку я не мог ни при каких обстоятельствах. Я достал телефон и пару мгновений смотрел на её улыбающееся лицо на фото. Лично у меня улыбки не было. Оставалось лишь принять вызов.

– Да? – пожалуй, слишком резко откликнулся я.

– Любимый? Ну наконец-то! Всё утро не могу до тебя дозвониться.

Это была ложь. Даже скорее наглое враньё! Ни одного непринятого вызова у меня от неё не было. Но ложь в нашем мире не считается чем-то неправильным. Поэтому я только хмыкнул в ответ, ожидая продолжения, но без особого интереса. Хорошо, что у меня сейчас работа и я могу спокойно слушать всё, что бы она ни говорила, и думать о своём.

– Ирджи, извини, я погорячилась. Просто была зла на тебя. Сама не знаю, что на меня нашло. Я решила, что ты совсем меня не понимаешь. После вчерашнего...

– А что было не так вчера? – слегка отстранённо спросил я просто для поддержания разговора.

Мысли кружили вблизи компании «Могила и Ренессанс». По крайней мере, я старался держать их в том районе.

– Я же не думала, что Базиликус воспримет это так серьёзно. То есть решит, что я требую посадить тебя в камеру. Мне такое и в голову не могло прийти! Я просила лишь ограничиться наручниками, и всё!

Я слегка поскрежетал зубами.

– Ты что-то сказал?

– Нет-нет, ничего. Продолжай.

– Видимо, он ко мне слишком хорошо относится и хотел сделать приятное, переборщив с инициативой. Но когда я одумалась и прибежала к вам с заявлением, в котором написала, что снимаю с тебя все обвинения, твой комиссар почему-то побледнел. Он сказал, что даже не представлял, НАСКОЛЬКО я на тебя зла! То, что я хочу сделать, называется неприемлемым христианским милосердием, и после такого заявления с моей стороны ни один судья не даст тебе меньше пяти лет строгого режима со срыванием погон и лишением звания сержанта!

– Где это он взял такой закон? – Я так удивился, что даже на миг забыл все обиды на свою девушку.

– Говорит, в городском уставе от тысяча пятьсот какого-то года, и главный судья с мэром в курсе. Поэтому замять это дело не сможет, потому что не хочет рисковать своим креслом. Игнорировать такое заявление тоже нельзя, и хотя я пыталась эту бумагу прямо при нём съесть, твой шеф сказал, что это бесполезно. Ты же мне веришь, правда, милый?

– Э-э... мм... Знаешь, мне пора.

– А я хотела угостить тебя обедом... Держу пари, ты со своим очередным расследованием точно забыл поесть. Ну, позволь мне заглядить вино, хоть чуточку, а?!

Я поневоле смягчился и, мельком глянув на часы, решил:

– У меня сейчас одно неотложное дело. Но, думаю, примерно через час я смогу встретиться с тобой в каком-нибудь кафе.

– Отлично, давай в «Морге».

– А там есть кафе?!

– Милый, я имею в виду ресторан морской кухни «Морг», Демонистическая улица, двадцать три. Я на машине, могу забрать тебя, откуда скажешь! Можно?

Кажется, её так захлестнуло чувство вины, что она уже начала ею упиваться.

– Нет, не беспокойся. Всё нормально. Я сам за рулём, найду по навигатору, встретимся на месте.

– Хорошо, любимый! Я так рада, что ты меня прости! Так счастлива, так...

Я отключил вызов.

А через десять минут уже подъезжал к двухэтажному офисному зданию в строительных лесах. Половина стен была оштукатурена, а вторая являла собой каменную кладку позапрошлого столетия. Тогда ещё использовали чёрный пережжённый кирпич, а раствор замешивали на крови жертвенных козлов. Заляпанная каплями бетона вывеска гласила: «Могила и Ренессанс». Застрахуем ваши страхи». Рядом была ещё одна, поменьше: «Мы надёжны, как вечная мерзлота». Видимо, намёк, что главный офис организации находится на севере, в Хмельсинки.

Я прошёл в фойе, где три маляра неторопливо красили одну и ту же стену в три разных цвета. В то время как четвёртый вообще расковыривал в углу свежую штукатурку. На лицах ремонтников был написан полнейший пофигизм, а движения были исполнены сонной лени. Мягко говоря, удивившись такой «работе», я прошёл через коридор до кабинета главного инспектора Жоржа Труппенса, о чём сообщала табличка на двери. В предбаннике сидел секретарь. Едва он оторвал глаза от бумаг, как я тут же узнал в нём чёрта, с которым мы столкнулись буквально полчаса назад на дороге. Увидев меня, он явно испугался, засуетился, начал перебирать бумаги, зачем-то поправил галстук, потом ослабил его снова, посмотрел по сторонам и, запинаясь, шёпотом спросил:

– В-вы к-ко мне?

– Нет, к вашему начальству, – тихо ответил я. – Но с вами я тоже побеседую, позже и не здесь.

– Господин инспектор у себя, – облегчённо выдохнув, уже в полный голос оповестил меня секретарь и, услужливо вскочив, сам распахнул передо мной дверь в кабинет шефа.

Месье Труппенс был на месте. При виде меня он быстро встал, шагнул к дверям, запер их на ключ, выглянул в окно, задёрнул занавески и, отведя меня к столу, торопливо зашептал в самое ухо:

– Не поймите меня превратно, сержант. Я всё это время думал над тем, что сегодня произошло, да? Быть может, у меня паранойя, быть может, я передёргиваю, да? Но мне кажется, что всё это не просто так. Бедняга Лошар умер не случайно...

Я так удивился, что слушал не перебивая.

– И вот, размышляя о странной череде несчастных случаев среди кобольдов, – торопливо продолжал он, словно бы открывая мне страшную тайну, – я пришёл к выводу, что за этим может стоять кто-то из своих.

Я вопросительно поднял бровь.

– Да-да, представьте! За каждый несчастный случай наша компания выплачивает рабочим далеко не маленькие деньги. Вы бы знали, на какую сумму их страхует компания, да! Ещё недавно мы оплачивали от силы один несчастный случай в полгода. Даже Ойсен, мой секретарь, подтвердит вам это! Мы как раз не так давно приняли его на работу, да...

Я опустил левую бровь и вопросительно поднял правую. Хороший метод, когда нечего сказать, это работает безотказно.

– А теперь у нас творится какой-то беспредел, да? Мы только и успеваем оплачивать медицинские страховки! А ведь ещё этот непрекращающийся ремонт! Я не знаю, когда он закончится. – Инспектор Труппенс сжал кулаки и ударил по столу, изо всех сил пытаясь состроить сокрушённое лицо.

Я изумлённо наблюдал за ним. Это был мой главный подозреваемый, и он, на первый взгляд, показывал такое искреннее непонимание всего, что происходит. И что он сам делает. Или, может быть, традиционно считает, что в полиции работают одни идиоты?

– Вообще-то вы тут начальник.

– Да, но...

– Кстати, на рабочих я тоже обратил внимание. С ремонтом у вас действительно что-то странное происходит. Маляры красят один и тот же участок стены в разные цвета.

– Ах, это, – он манерно махнул ладонью, – мы потом выберем, какой цвет для нас оптимальнее. Не это главное, да? Главное, что кто-то за всем этим стоит. Но он очень хитёр и осторожен, поэтому я сам не смог его найти. Но он явно работает здесь. Деньги пропадают. Ремонтники говорят, что ничего не получали, и постоянно требуют компенсаций. Про кобольдов я вам уже говорил, да? Просил помощи полиции. Меня уволят и поставят на моё место другого, если я срочно с этим не разберусь.

– Кстати, они сказали, что вы лично занимаетесь оформлением страховок. Я бы хотел просмотреть эти бумаги. А кто вам подписывает медицинские заключения?

– Я этим не занимаюсь, это мой секретарь и помощник Ойсен. Он передаёт всё врачам, и все документы хранятся у него, да. Он моя правая рука! Не знаю, что бы я без него делал. Тем более в такие смутные времена, да?

– Хорошо, спросим и у него. – Я понимал, что вариантов уже нет, процесс лжи ускорился и рос, как снежный ком, катящийся с самой высокой горки.

Я широкими шагами подошёл к двери и распахнул её. Секретаря на своём месте не было.

– Похоже, он вышел?

– Сейчас вернётся, подождите, да.

Но я так не думал. И Труппенс тоже, судя по жёсткому взгляду, так диссонирующему с мягким добрым голосом, изображающим наивность и невинность попеременно.

– Хорошо, передайте ему, чтобы зашёл в полицию. Где эти документы?

Проследив его испуганный взгляд, я подошёл к бюро и выдвинул первый же ящик с папками. Судя по ярлыкам, здесь были страховки частных лиц, чьи имена начинались на буквы от «А» до «Д».

– Страховки кобальдов на «ка»? Или это отдельно, в организациях? Может быть, «ЭМ» в муниципальном? – Я взялся за ручку ящика с соответствующим названием.

– Ну что вы! Вы там всё перепутаете, – всполошился инспектор, пытаясь мягко пролезть между мной и бюро.

– Вы хотите, чтобы я решил, что вы что-то скрываете? Где страховки?

Труппенс поджал губы и помрачнел.

– Вот они, да, – совершенно другим тоном сказал он, выдвигая нижний ящик и тут же вытаскивая нужную папку.

Хм, значит, вот как мы ничего не знаем. Папка была довольно объёмной. Все листы исписаны мелким шрифтом. Много цифр. Святая кровь, сколько же времени надо, чтобы всё это изучить...

– Могу я это взять с собой?

– Нет-нет, я не имею права отдавать вам документы! Это категорически запрещено.

– Тогда сделайте мне копии. Не думаю, что они представляют собой что-то секретное.

– У нас нет секретов, – процедил он сквозь зубы после секундного раздумья. – Это всё?

– Пока да. Пока наши специалисты не изучат всё это.

– Пройдёмте, да... И надеюсь, я вам сегодня больше не понадобится? Утром, когда вы меня спрашивали, до которого часа я буду на работе, я совсем забыл, что мне нужно сегодня уйти пораньше. Жена ждёт меня на свадьбе дочери мэра, я обещал, что заеду. Положение обязывает, так сказать, да.

Я хмыкнул про себя, – похоже, на этой свадьбе соберётся вся элита города.

Мы прошли по коридору, зайдя в третью дверь, где какая-то девушка с раскрашенными в стиле хиппи рогами скопировала мне всё необходимое. Правда, заняло это минут двадцать. Я сказал ей «спасибо», взял на обратном пути у инспектора телефон секретаря, сухо кивнул на прощанье и вышел.

По пути к машине я первым делом позвонил Ойсену, но, конечно, он не ответил. Попробовал ещё раз: думаю, он же должен был понимать, что я один и его босса рядом нет. Но бесполезно, звонок тут же обрывался.

Когда я подъехал к фешенебельному «Моргу», меня там уже ждала полная раскаяния Эльвира, успевшая заказать полный стол средиземноморских закусок.

– Я так обрадовалась, когда увидела в меню, что у них есть твой любимый суп с детёнышами Ктулху.

Я сделал улыбку и сказал, что в первый раз о таком слышу.

– Серьёзно, ты никогда не пробовал Ктулху петит де маринаре?! Я его обожаю! Не волнуйся, я тебе тоже заказала большую порцию.

– Знаешь, я не так голоден.

– Ладно, тогда рассказывай!

– Что рассказывать? – отстранённо процедил я, набивая рот пережаренными кружочками левиафанов в кляре. Вкус тот ещё. Но я украдкой поглядывал на Эльвиру, и душа как будто возвращалась домой, всё плохое уходило, а на сердце становилось легко и спокойно. Хотя, возможно, это просто чувство утолённого голода.

– Как что? Флевретти сказал, что у тебя был такой интересный день! Ты видел очередной труп, лазил по канализациям, чуть не переломал ноги. Это же так романтично! А ещё из всего этого можно такую статью состряпать... – размечталась она, но тут же опомнилась и уставилась на меня обожающим взглядом.

«Явно пытается загладить вину», – подумал я. Только вот меня сейчас это не очень волновало. Примерно через час у меня была назначена встреча со сбежавшим секретарём, куда, возможно (и, честно говоря, скорее всего), он вообще не явится.

Я достал папку копий страховок кобальдов.

– Посмотри, пожалуйста. Не торопись, время есть. Просто подсказки, с кем можно по этому поводу проконсультироваться?

Через пять минут её старательного, углублённого чтения, меж тем как я расправлялся с левиафанами и порцией хрустящей чёрной камбалы, я спросил:

– Тебя там что-то смущает?

– Ну да. Эти кобальды слишком много травм на работе получают.

– Да. Причём похоже на то, что делают это специально. Я знаю от самих кобальдов, что они очень быстро регенерируют. – Я вспомнил, как легко мой проводник перепрыгивал через ямы в канализациях, не думаю, что остальные такие неуклюжие.

– Но неужели в страховой компании никто этого не знал? – удивилась Эльвира. – Травмы и страховки получают пятнадцать кобальдов, которые ломают себе что-то минимум два-три раза в неделю.

Я взял у неё бумаги, для меня это всё по-прежнему было полной тарабарщиной.

– Как ты всё это так быстро разобрала?

– Мама заставила меня получить серьёзное бухгалтерское образование. А по журналистике я просто окончила трёхдневные курсы. Только никому не говори, я всё-таки лучшая журналистка Мокрых Псов! – сказала она совершенно серьёзно. – Но знаешь, кому я по-настоящему завидую?

– Кому?

– Тебе, Ирджи! Почему я не пошла в школу полиции? За такой насыщенный день, как у тебя сегодня, я бы отдала месяц нудной работы в «Городском сплетнике».

– Одного моего дня тебе бы вполне хватило, чтобы потом год снились кошмары, – нервно прокашлялся я. – Твоя работа гораздо чище и интереснее. Ты, например, постоянно берёшь интервью у всяких заезжих знаменитостей, которые считаются секс-символами...

– А сам ты регулярно допрашиваешь горгулий лёгкого поведения! Думаешь, представляя это, я могу спокойно спать по ночам?

– У нас в городе таких даже нет. Или есть? – простодушно удивился я и покраснел.

Похоже, даже про криминал в этом городе она знает больше меня.

– Я это просто как пример привела. Ты ведь мне всё не рассказываешь. – С таинственной улыбкой Эльвира коснулась моих пальцев.

В ответ я нежно сжал её руку. Мы смотрели друг на друга, улыбаясь. Лёд растаял. Все обиды были забыты.

– Милая, так что было не так во вчерашнем свидании? – спросил я.

– Да ты вёл себя просто ужасно! – горько рассмеялась она. – Во-первых, эти жуткие розовые занавески...

И тут у меня зазвонил телефон. Флевретти, как же ты не вовремя!

– Извини, надо взять. – Я нажал на кнопку принятия вызова.

Эльвира, пожав плечами, набросилась на салат с морским чёртом. В смысле, это рыба такая.

– Дружище, ты что, направил запрос в центральное управление, не спросив шефа?! – с испугом и восхищением накинулся он на меня.

– А что, уже пришёл ответ? Можешь прочесть?

– Да, но тут что-то странное...

– Говори.

– В списке одни кобальды!

– Да, знаю, пятнадцать имён.

– Нет, шестнадцать.

– Как – шестнадцать?! Кто шестнадцатый?

– Откуда я знаю? Но за последние полгода выплаты получали только кобольды, если не считать одной ведьмы, которая обожглась любовным зельем в ресторане быстрого питания «Макдолдонадс». И один кобольд посмертно. Конечно, не он сам, в зомби он не превращался, хотя кто знает, многие это используют, чтобы начать жизнь с чистого листа и приличной суммы денег. В общем, страховку получил его родственник, один из оставшихся пятнадцати.

– Умер?! А почему нам не сообщили?

– Потому что он умер по естественным причинам. От пневмонии.

– Ясно. У тебя всё?

– А ты куда-то торопишься?

– Вообще-то я на свидании, – прорычал я, поскольку капралу явно было не с кем поболтать.

– О-о! Ну ещё один момент, эти шестнадцать (пока один из них не умер) получали свои страховки не по одному разу, а, можно даже сказать, постоянно! Каждую неделю! Представляешь?

– Это я уже знаю. – Я повесил трубку и тоскливо посмотрел на Эльвиру.

– Понятно, тебе надо идти. – Она улыбалась, но губы её обиженно дрогнули.

– Не сердись, пожалуйста. Я просто не успел тебе рассказать. У меня есть свидетель, и, если он действительно хочет дать показания о махинациях со страховками, ему грозит серьёзная опасность.

– Тогда я с тобой!

– Нет, милая.

Потом я на секунду задумался, посмотрел на часы: до встречи оставалось двадцать минут. В принципе, если у меня в засаде за соседним столиком будет сидеть знакомая журналистка и снимать всё на камеру, то это не так уж плохо. Вдруг потом секретарь будет отказываться от своих слов, а у нас есть запись нашего разговора, причём добытая незаконным путем. Тут уж никак не отвертится...

– Хорошо. Но у меня условие. – Я поманил пальцем официанта и попросил счёт.

– Ирджи, я согласна на всё! – Эльвира взвизгнула от восторга и даже хотела кинуться мне на шею, но удержалась. Она сделала строгое лицо, дав понять, что собранна, понимает всю серьёзность задачи, мешать не будет, задание выполнит.

Расплатившись, мы сели в мою служебную машину. Эльвира решила ехать со мной, сказав, что рядом с «Блохастой псиной» есть стоянка такси, и если я буду занят, она всегда сможет уехать сама.

Ехали быстро, не нарушая правил. Попробовал набрать номер секретаря, он по-прежнему не брал трубку. По дороге Эльвира попросила рассказать ей всё по порядку, но тут опять позвонил Флевретти.

– Да, слушаю, – напряжённо откликнулся я, решив, что за эти пять минут случилось что-то важное.

– Привет. Не отвлекаю? Я хотел спросить, я тут, короче, на свидание собрался. Ну я говорил. Может, что посоветуешь, хочется поразить девушку чем-то новеньким, чего она не ожидает. И подумал, ты же можешь меня научить, рассказать, как ухаживают за красотками в твоей Полякии. Может, вы их сразу...

Я слушал только потому, что обалдел.

– Ты рехнулся, капрал?! Я еду на встречу с важным свидетелем, он, может быть, в смертельной опасности, мне надо до вечера раскрыть дело, а потом вернуться в камеру, потому что шеф трясётся за своё место, у меня нет жетона, и я под следствием!

– Ладно-ладно, просто я решил, что тебе будет приятно вспомнить родину. А ты, похоже, не в духе. Хорошо, позвоню попозже.

– Подожди, можешь выяснить адрес одного чёрта? Его зовут Ойсен, работает секретарём в компании «Могила и Ренессанс».

– Попробую, шеф. – Он язвительно выделил «шеф».

– Это важно! И как узнаешь, пошли туда Чмунка. Если он дома, пусть его задержит. – Я повесил трубку, и у меня мелькнула идея.

– Дашь свой телефон? – попросил я Эльвиру. – Нет, лучше сама набери вот этот номер.

Она набрала и протянула мне сотовый. Её номера Ойсен не знает, должен ответить. Но на этот раз он не просто обрывал вызов, а был вне зоны доступа. Что бы это значило? Какой-то подвал? Мы как раз подрулили к «Блохастой псине». Собственно, эта забегаловка и располагалась в бывших губернаторских винных погребах. Надеюсь, его молчание означает, что сейчас он там...

– Так с кем ты здесь встречаешься? С этим Ойсеном? Думаешь, его хотят убить, потому что он решил выдать своих сообщников? Или он случайный свидетель?

– Ты говоришь, будто ведёшь репортаж. Думаю, скорее второе. Для преступника он слишком робок и интеллигентен. Просто его напугала гибель товарища, вот и решил всех выдать, пока его самого не нашли в канализации.

Мы спустились по каменным ступенькам в широкий зал, заставленный небольшими деревянными столиками, барная стойка была сделана в виде будки, официанты расхаживали в собачьих ошейниках, на стенах висели фотографии с кинологических выставок страны.

Кстати, претенциозное место, его облюбовали для себя молодые амбициозные офисные работники – основной контингент этого заведения. На столах стояло вулканическое пиво, сухарики в собачьих мисках, неоновое меню над баром предлагало фирменные коктейли: «Муму по-крестьянски», «Поцелуй Брайана с оливкой», «Жидкий по-баскервильски» и что-то ещё...

Лично я почувствовал себя неуютно, меня как-то не привлекало находиться среди прилизанных снобов, мнящих себя выше тех, кто питается в закусочных типа «Кузены цыплята». Кстати, на мой взгляд, у латиносов отличная кухня, только почему-то вызывает привыкание.

В зале месье Ойсена не было. В академии наш преподаватель тайной слежки, бывший секретный агент, учил за секунду находить среди пятидесяти лиц искомое. Мы сели в углу за соседние столики, спина к спине, так, чтобы мне был хорошо виден вход.

– Значит, его могут убрать, пока он всё тебе не рассказал.

Я молча стиснул зубы, потому что сам уже мучился от чувства вины, и с каждым мгновением напряжение лишь нарастало. Секретарь опаздывал уже на десять минут. Я попытался позвонить его начальнику Труппенсу. Плюс – связь в подвале отлично работала, минус – телефон инспектора, похоже, вообще был выключен. Хорошенькое дельце...

Место это мне не нравилось, но нужно было взять себя в руки и подождать хотя бы с полчаса. В этот момент вновь раздался звонок, я посмотрел на экран. Флевретти.

– Да, капрал.

– Я нашёл его адрес. Не сразу, правда. Пришлось позвонить в их главный офис, напрямую сказав, что я из полиции и нам нужен адрес этого Ойсена. Девушка в отделе поупиралась немного, пытаясь пороть чепуху про официальный запрос. Но я наврал, что мне безумно нравятся девушки с прокуренным голосом, она растаяла и дала адресок. Правда, взяв обещание, что я ей больше не буду звонить. Но меня не проведёшь, я ей явно понравился!

– Никогда не сомневался в тебе, – сдержанно похвалил я. – Диктуй адрес.

Я быстро записал на салфетке название улицы и дома. Эльвира, мельком глянув, подтвердила, что это недалеко отсюда. Видимо, поэтому он назвал этот паб, возможно, сам частенько захаживал сюда. Ну где же его носит-то, а?!

Я вновь посмотрел на часы. Мы сидели уже пятнадцать минут. Время тянулось, как удав, объевшийся кроликов, и, чтобы хоть как-то себя занять, я зашёл со смартфона в Интернет и завёл наконец эту «Ферму». Повезло, что сразу нужную, потому что «ферм» там было очень много. Поглядывая на дверь и на часы, я даже успешно дошёл до третьего уровня. Правда, отправить Эльвире карету Золушки ещё не мог, она открывалась на двадцатом, но поделился фруктами, цветами и газонокосилкой. Надеюсь, что и это зачтётся.

По моему знаку она помахала бармену с просьбой подать счёт.

– Милая, выходи первой. Я за тобой, через пять минут.

– Как скажете, офицер! Тебя ждать?

– Нет, я, пожалуй, вернусь в отделение, найду Чунгачмунка и попробую получить ордер на осмотр квартиры этого Ойсена, – соврал я, чтобы она не начала настаивать на том, что поедет со мной, это могло быть опасно.

На самом деле на ордер времени не было, я собирался сразу ехать к Ойсену. Надо же откуда-то начинать поиски.

– Держи меня в курсе, – заговорщицки шепнула она и быстро вышла, ловя на себе заинтересованные и нетрезвые взгляды.

Паре молодых чертей я бы охотно вломил промеж рогов за похотливые причмокивания губами, но сейчас есть и более важные дела.

– Официант, сколько с меня за пиво?

Стоило мне встать, достав из кармана мелочь, как в тот же момент погас свет. Раздалось чьё-то оханье, потом хихиканье. А я вдруг почувствовал, как моё горло захлестнул ремень и кто-то повис у меня на плечах. Тело отреагировало автоматически, спасибо годам тренировок рукопашного боя в полицейской академии!

Прежде чем пришло осознание происходящего, я резко откинул голову назад, ударив нападающего затылком по лицу. Неизвестный пискнул и свалился в темноту. Я развернулся и был атакован сразу тремя неизвестными, бившими меня на уровне пояса.

Кто-то громко крикнул:

– Здесь драка! Администрация, дайте свет!

Помещение озарилось тусклыми вспышками сотовых телефонов. Никто не спешил на помощь, зато все торопились снять видео и выложить в соцсетях. Но лично мне было не до этих моральных уродов. Отчаянно размахивая стулом, я отбивался от низкорослых, но крайне агрессивных нападающих. Кто-то больно укусил меня за запястье. Потом я пропустил два тяжёлых удара по почкам. Но в остальном одолеть рослого поляцкого чёрта в кабацкой драке не удавалось ещё никому!

В общем, когда бармен наконец зажёг страховочные факелы, я по-прежнему стоял на ногах, а трое хромающих типов быстро выносили в дверной проем четвёртого.

– Кобольды, – сквозь зубы прошипел я.

Их явно отправили ко мне припугнуть. Если бы хотели убить, так просто пырнули бы в грудь или попытались перерезать горло. Но сейчас я был жив и очень зол. Всё тело ныло от ударов, но я схватил со стола салфетку с адресом Ойсена и кинулся к выходу.

Однако пока продрался через чертей, толпившихся в проходе, сравнивая снятое на телефончики, и выскочил на улицу, там уже никого не было. Зато тут же послышался звук заводного мотора за углом. Я бросился туда, но вдруг так резко прихватило в боку, что я согнулся пополам и несколько секунд просто пытался дышать. Этого времени негодьям вполне хватило, чтобы резко сорваться с места, уносясь на бешеной скорости. В наступающих сумерках я лишь успел отметить старенький «Пикасс» с заляпанными грязью номерами. Через мгновение он пропал за поворотом.

Я кое-как дошёл до своей машины, открыл дверцу и буквально рухнул на переднее сиденье. В груди всё кипело от злости, и так дрожали руки, что я только с третьей попытки смог

повернуть ключ зажигания, развернул бумажку с адресом Ойсена и тронулся с места. Сначала домой к не пришедшему на встречу секретарю, а потом за этими драчливыми мигрантами. Если, конечно, не сам Ойсен их и нанял, заманив меня в указанное местечко.

Мне можно было гнать, не боясь превысить скорость: наша служебная машина в любом случае не давала больше восьмидесяти по городу. Уже через десять минут я остановился возле двухэтажного кирпичного особнячка, быстрым шагом поднялся на крыльцо и позвонил в дверь. Изнутри отозвалось только эхо.

Я подождал пару секунд и дальше уже практически минуту не отрывал пальца от звонка. Долгое ожидание и тишина. Не отходя от двери, я позвонил ему на телефон. Что делать было необязательно, и так всё ясно, но мне требовалось успокоиться, иначе можно и врезаться в ближайший фонарный столб. В таком состоянии вообще не стоило садиться за руль, но у меня не было времени на размышления, вызов такси или ожидание помощи товарищей. Да, да, как вы догадались, никакой Чмунк, разумеется, не пришёл...

Дальше ждать на крыльце было бессмысленно, я поехал туда, где тусуются кобольды. В смысле работают, но сейчас я уже не воспринимал их как честных граждан, а считал криминальным элементом, прикрывающимся званием честного труженика. Иными словами, я решил вернуться на утреннее место преступления.

На дороге ушло двадцать минут. Я не ждал, что нападавшие из паба сразу поедут сюда. Наоборот, наверняка они временно затаятся, и такое место у них есть. Да если вдуматься, так все городские канализации в их распоряжении, ищи-свищи! Я тормознул машину на том же перекрёстке, где утром нашли труп. Как и ожидалось, трое низкорослых гастарбайтеров толкались у открытого люка...

– Быстро вы, – с ухмылкой приветствовал меня мой сегодняшний проводник-переводчик.

Я чуть не задохнулся от такой наглости. Но он продолжал смотреть на меня беззастенчиво и нагло, как и стоящие рядом с ним приятели.

– Так. Где они? Где прячутся? Я же всё равно найду!

– Вы о комди это?

Я набрал воздуха в грудь побольше, чтобы переждать момент неконтролируемой ярости.

– Ваши дружки, которые на меня напали!

Все трое кобольдов слишком дружно изобразили фальшивое удивление. Но не испугались ни капли. Я почувствовал, что дело не в драке, они обсуждали что-то другое.

– Что вы имели в виду, говоря, что я быстро?

– Да тутди ещё одного нашлиди. Мёртвыди совсем.

– Кобольд?

– Нет, чёртди.

У меня расширились глаза.

– Где он?

– Внизуди.

– Вы кому-то звонили?

– В участокди. Сообщениеди оставили. Трубку никтоди не брал. А тут вы...

Похоже, капрал вышел, скорее всего, за томатным соком, без которого он жить не может и вот так халатно оставляет пост. А Чмунк так и не объявился, наверняка выполняет какое-нибудь специальное задание шефа. Иначе бы давно поспешил сюда, он у нас вызовы не пропускает. Теперь, в свете нового трупа, разбирательства по выявлению тех, кто на меня напал в пабе, могли и подождать.

– Хорошо. Тогда показывайте. Нет, Маймул=джан пойдёт со мной. А вам ждать здесь.

Рискованно было спускаться с ними со всеми в люк, но и показывать, что я их боюсь, тоже нельзя. Да я и не боялся, будь у них хоть сговор! Но оставшаяся парочка вполне могла

позвать подмогу, полезть всей толпой за нами и разобраться там со мной втихую так, чтобы и следов не осталось. Кто мог знать, что у них сейчас в голове?

Я «нажал» кнопку вызова и поднёс телефон к уху. – Господин комиссар? – Я сделал вид, будто говорю с шефом, и нарочно повысил голос, чтобы кобольды меня слышали. – Да. Да, дело срочное. Ещё один труп! Так точно, у тех же кобольдов. Я приступаю к осмотру места преступления. Да, жду! Непременно доложу.

У всех трёх кобольдов лица сразу стали кислыми. Вот так-то! «Звонок» комиссару полиции на кого угодно произведёт нужное впечатление, даже если это чистой воды блеф. А мне сворачивать на полпути было просто глупо, к тому же необходимо скорее увидеть тело. Интуиция подсказывала, что это будет Ойсен, наш единственный свидетель. Вряд ли так повезёт, что это окажется Жорж Труппенс.

В последний момент я вспомнил о шлеме с фонариком и одолжил его у одного из кобольдов. Внизу было ещё холоднее, чем утром. Под ногами хлюпала вода, но сейчас мне было плевать на резиновые сапоги. Кто мог знать, что придётся лезть сюда снова?

– Зря вы одинди здесьди ходитеди, – ухмыльнулся Маймул-джан, включая свой фонарь. – Могли быди и своих дожждатьсяди, а?

– Это намёк?

– Чегоди?

Что ж, за свою жизнь сейчас я бы и сам гроша ломаного не дал. Никого не послушался, пошёл один туда, куда никто из наземных жителей не рискует лезть, и вот результат. Неудачно поскользнулся, ударился головой, упал лицом в воду. Погиб по собственной глупости. Надо всё же позвонить Флевретти и Чмунку. Я достал телефон, короткие гудки, связи не было. Странно, ведь утром я вроде звонил отсюда.

– А здесьди не вездеди ловит, – словно читая мои мысли, обернувшись, заметил мой проводник.

У меня появилось почти реальное ощущение, как будто чьи-то холодные липкие пальцы сжали горло. Мы повернули вправо, влево, обошли пару здоровенных ямин, и наконец я увидел что-то на полу впереди.

– Вон онди лежитди.

Ещё за десять шагов лежащее в полумраке тело показалось знакомым. Через минуту я уже присел над ним и перевернул на спину. Да, это был Ойсен. Бедный запуганный секретарь инспектора местного отделения страховой компании «Могила и Ренессанс». Я попытался нащупать пульс, но его не было. Молодой чёрт выглядел так, как будто просто спал или потерял сознание. Но он был мёртв, и я был виноват в его гибели.

– Мы вытащилиди его из водыди, как и утромди первого. Толькоди здесь ямади побольше, пришлосьди тудади лезть. Вседи простудимся! Какди думаете, намди троим дадутди страховку?

Рядом действительно была очередная выбоина с водой. Но надо же ухитриться, чтобы столь неудачно споткнуться и упасть лицом в воду! Ну не может быть двух таких удивительных совпадений в один день. Это уже почерк какой-то...

– Кто-нибудь видел, как он спускался вниз?

– Нет. Самиди не поймёмди, как он здесьди оказался.

Это верно. Если помощник инспектора имел реальный повод спуститься в канализационные туннели, то зачем туда понесло секретаря? Что он тут делал?

Несчастный был одет в синее пальто, в котором был сегодня, когда преследовал меня. Как глупо и какая бессмысленная смерть. Он был готов мне помочь, но не успел, или ему не дали. Я мысленно пообещал сам себе, что найду и призову убийцу к ответу. Но всё же зачем Ойсен полез сюда перед самой нашей встречей? Решил провести собственное расследование?

Нет, скорее его заманил сюда убийца. Но тогда получается, убийцей оказался не тот, кого он так боялся и хотел выдать? Иначе бы он не пошёл с ним в такое опасное место.

И опять никаких явных следов насилия. Даже следов борьбы нет. Ничего, кроме здоровенной ссадины на лбу. Хотя его могли толкнуть в спину, чтобы он ударился головой. А это значит, секретарь точно знал нападавшего. Потому что не услышать здесь шагов, хотя бы за двадцать метров, просто невозможно, плюс ещё и хорошее эхо. А потом я вздрогнул – закостевевшие руки сжимали тяжёлый кобольдовский ретрофонарь...

– Вы что, его с фонарём вытащили из воды?

– Да, дажеди не выронил. Надо же, какди вцепилсади!

Положим, в лужу он упал уже без сознания и кто-то держал его голову под водой, пока Ойсен не захлебнулся. Но почему оба убитых таскали эти старорежимные фонари? При их тусклом свете разглядеть что-либо могут только привыкшие глаза кобольдов.

Я с трудом разжал его пальцы и вытащил фонарь. Он не включался, но важнее было другое: на днище была заметная вмятина, почти такая же, как на фонаре рядом с телом Лошара!

– А правдади, что у васди нетди значка и выди не имеете правдади проводитьди расследование?

Я поднял глаза на чересчур осведомлённого Маймул-джана и встретился с холодным непроницаемым взглядом.

– Посветите-ка поближе!

– Нетди проблем, пожалуйстади. – Он оскалился, что, похоже, должно было означать примиряющую улыбку.

– Кстатиди, а кто его нашёл? Опять все?

– Ну дади. То есть мыди втроёмди с напарникади. Выди их видели наверхуди.

– Шли втроём, значит. По узкому туннелю?

– Тут жеди широкоеди место.

Пока он объяснялся, я продолжал осмотр, но больше ничего нового не обнаружилось. Поэтому я поднялся, отряхнул мокрые брюки и, прихватив фонарь, направился к выходу.

– Сейчас приедут за телом. Нужно будет вытащить его наверх.

– Конечно. Это жеди нашди гражданский долгди! А можноди вопросди?

– Спрашивайте.

– Мужчида можетди родитьди?

Видимо, у меня вытянулось лицо. Кобольд решил, что я понял его неправильно, и поспешил уточнить:

– Парниди спрашивают, почемуди у инспекторади такое брюходи? Он не беременныди? Всё времяди был нормальныйди чёртди, а за последний месяци такое пузо! Глупостиди, да?

Теперь мне всё стало ясно. Я знал убийцу. Оставалось только собрать доказательства...

По пути назад мы с Маймул-джаном не обменялись ни словом. Когда я по пояс вылез из люка, то встретился лицом к лицу с окружившими колодец кобольдами. Их было уже гораздо больше двух. Под моим взглядом они расступились и дали мне выйти. Однако у большинства были откровенно враждебные рожи.

Я сразу же позвонил в морг и уже потом, на этот раз по-настоящему, набрал шефа.

– А я как раз собирался звонить вам, Браздинский! – радостно откликнулся он. – Похоже, мне придётся торчать здесь до глубокой ночи.

– Сочувствую, месье комиссар.

– Язвите? Скажите лучше, как идёт расследование. И да, напоминаю вам, что как арестованный вы должны ночевать в камере. Я, конечно, дал вам свободу передвижения днём, но не забывайте, что вы всё-таки под следствием. Без обид, это только формальность, – понизив голос, примиряюще добавил он. – Но я должен соблюдать правила: если вдруг приедет комиссия, у нас всё должно быть чисто, верно?

Да, гипотетическая комиссия, мнение прессы и вообще всё, что связано с его уходом на пенсию, для шефа всегда на первом месте. И пусть хоть весь мир рухнет, но он останется при своём. Я быстро доложил ему о нападении и новом трупe. Комиссар Базиликus был серьёзно озадачен, хотя уж его-то редко чем можно удивить.

– Вы кого-то подозреваете?

– Есть один кандидат, – сказал я, закидывая фонарь-улику в багажник.

– Один? А как же все остальные кобольды? Или вы нашли главного? Потому что они никогда не действуют поодиночке. Это не в их природе.

– Мне известно, кто их лидер, но дело не в этом. – Я обернулся к кобольдам.

Они как будто были заняты разговором и не обращали на меня никакого внимания.

– Думаю, что за всем этим стоит старший инспектор Труппенс.

– Нам понадобятся весомые доказательства для суда.

Что в Базиликусе хорошего, так это умение доверять своим сотрудникам, ему не нужно лишних объяснений и бумажек, чтобы решиться дать делу ход.

– С доказательствами проблема. Кстати, вы видели сегодня Труппенса на свадьбе? Нет? А ведь он там был, по крайней мере, по его словам, собирался заехать. В общем, мне нужна ваша помощь, – сказал я.

– Увы, я же сказал, что занят тут до ночи... – тяжело вздохнул он.

– А если вопрос задержания преступника требует вашего немедленного присутствия на работе?

– Хм... это интересно. Слушаю, сержант.

Я быстро выложил свой план, который сформировался у меня в голове буквально за минуту до этого. Разумеется, ещё не полностью, но я знал, когда могу положиться на шефа. С его опытом, мудростью и связями мы уже не раз заставляли преступника признаться и самому выдать себя с потрохами.

– Значит, вот что, Браздинский, – выслушав меня, задумчиво протянул комиссар. – Звони ему и вызывай к нам. А сам быстренько в участок! Обговорим всё на месте.

– А как же свадьба дочери мэра? Не думал, что вы вернётесь сегодня на работу.

– Не нудите, сержант, что мне тут делать?! Мадам Базиликus будет отплясывать до полуночи и вернётся не раньше утра. Мне скучно. В общем, встретимся в участке.

Отключив шефа, я покосился на наостривших уши кобольдов и позвонил старшему инспектору на сотовый.

– Добрый вечер, месье Труппенс. Вы не могли бы приехать в участок? Нам с комиссаром Базиликусом нужна ваша помощь.

– Прямо сейчас?

– Да, это в ваших интересах.

– Ну хорошо. Сейчас приеду, да.

– Ждём.

Он повесил трубку, даже не спросив, зачем нужно ехать в участок. А главное, так быстро согласился, словно ждал моего звонка. Это хороший знак. Разумеется, не для него.

Я дождался приезда машины из морга, убедился, что кобольды передали труп с рук на руки зомби, и только тогда сам сел за руль. Несмотря на вечерние пробки, уже через пятнадцать минут мне удалось добраться до отделения.

Капрал Флевретти, оказывается, ушёл с концами. И как я мог забыть про его свидание? А вот краснокожий Чунгачмунк, как ни странно, был на месте, сторожил дверь шефа с томагавком в руках. Он объяснил, что сам вернулся недавно, Флевретти уже уходил и передал ему, что я велел ехать по указанному адресу, но тут Чмунку позвонил шеф и сказал, чтобы он ждал в участке, потому что и он, и я сейчас сами туда приедем.

Мы с комиссаром даже не успели обсудить наш план, когда услышали шум подъезжающей машины, я уже знал, кто это, и сам вышел его встретить.

– А, сержант, да? Не понимаю, что за срочность? Что произошло? Не думаю, что я могу вам ещё чем-то помочь, да. Я же всё уже рассказал.

Его взгляд задержался на мне, явно он заметил ссадину у меня на шее, но я промолчал.

– Ничего, просто комиссар хотел лично задать вам несколько вопросов.

– Ну что ж, вы имеете на это право, – неуверенно согласился он.

Я провёл его в кабинет и указал на стул перед столом шефа. Старина Базиликус хранил многозначительное молчание, что-то перебирая в бумагах.

– Старший инспектор Труппенс по вашему приказу доставлен, – козырнул я, пододвинул себе стул и сел в углу.

Шеф лишь мрачно кивнул, чем ещё больше напугал представителя крупной компании, у которого вдруг появились капельки пота на лбу.

– Я хотел бы...

– Где вы были в последние три часа, месье Труппенс?!

– В последние три часа? А что, опять кого-то убили, да?

– Почему опять? Вы думаете, смерть вашего помощника не была несчастным случаем?

– Откуда мне знать, да? – заёрзал на стуле старший инспектор. – Мне всегда казалось, что это ваша прямая обязанность – выяснять, что там случилось на самом деле. Но мне, как обывателю, казалось бы логичным предположить, что у нас в городе появился какой-то таинственный убийца. Может, даже маньяк, да? Хотя, тьфу-тьфу-тьфу, надеюсь, что это не так. Но я обеспокоен, да! Если же вы приказали вызвать меня, значит, погиб какой-то мой знакомый, да? Не томите, говорите же, говорите...

– Вы правы. Час назад сержант Браздинский нашёл тело вашего секретаря месье Ойсена. Что вы можете сказать по этому поводу?

Инспектор подскочил на месте, всплеснув руками, и тут же, как будто в бессилии, опустил их вдоль тела, скорбно качая головой.

– Бедняга... Как же это случилось? Нет, я просто не могу в это поверить, да-а... Такой ответственный, честный, бескорыстный молодой чёрт. Я думал, что когда-нибудь он займёт моё место. Автокатастрофа, да? Он сегодня как-то странно себя вёл и ушёл с работы, ничего не сказав, раньше времени. Как будто торопился куда-то. Вот и сержант Браздинский был свидетелем, да...

– Итак, где лично вы находились в последние три часа?

– Вы меня подозреваете?

– Вас подозревает сержант Браздинский. Я весь день был на свадьбе дочери нашего мэра и не успел как следует ознакомиться с делом.

– Какое совпадение! Я тоже, да! – едва не подпрыгивая на стуле, взвился старший инспектор. – Я поехал туда практически сразу после встречи с вашим сержантом. Я же вам говорил, сержант, да? Меня там ждала жена, она почти весь день была там одна. Но к этому времени уже начали опускаться сумерки (сейчас ведь рано темнеет) и все уже были весьма пьяные. Так что неудивительно, что вы меня не заметили, да? Но я-то вас ви-и-дел!

– Кстати об этом. – Комиссар Базиликус оторвал взгляд от бумаг. – Вы всё-таки пропустили там кое-что важное.

– О чём вы?! И кстати, почему вы меня обвиняете, да? – преувеличенно возмущённо накинулся на меня инспектор.

Я промолчал, поведя бровями в сторону шефа. А он в это время неторопливо продолжил развивать свою мысль:

– Я знаю, что вы ушли со свадьбы гораздо раньше.

– Ничего подобного! Моя жена может...

– О, так вы по возвращении не разговаривали со своей женой? А зря...

– Да?

– Дело в том, что мэр пригласил на свадьбу какого-то модного фотографа-экзгибициониста из столицы. И тот оказал честь вашей жене, выбрав её для серии снимков, которые будут опубликованы в каком-то престижном журнале, кажется, в «Ну и морда». Лучшие чертовки всего цивилизованного мира хотят туда попасть.

– Да моя жена три года подряд получала первое место и титул «Уродина года» в Мокрых Псах, – не без гордости заявил месье Труппенс. – Разумеется, она мне говорила про фотографа, да. Я просто был в другом конце парка в это время.

– Но тогда вы должны знать, что по традиции он должен был, как бы неожиданно выскочив из-за куста, запечатлеть вашу жену, её шок и возмущение. А потом рассерженное лицо мужа и как получает в морду от него. Столичный гость был страшно оскорблён тем, что вы его проигнорировали, не вступившись за честь жены. А уж в какой ярости была ваша супруга, потому что надеялась вернуть былую славу модели! Она не отпускала фотографа, таская его по всему парку и выкрикивая ваше имя. Но вас не было...

– Я был! Я просто... не слышал, стоял в сторонке...

– Значит, вы ещё не в курсе, что она обратилась ко мне как к представителю власти с просьбой помочь вас найти. А фотограф пожелал написать заявление, обвинив вас в оскорблении его профессиональной чести! Я еле отделался, упирая на то, что нахожусь здесь не на службе. Моя жена подтвердит это, как и куча свидетелей, наблюдавших за истерикой мадам Труппенс. Та ругала вас последними словами.

– Я вам не верю. – Инспектор почему-то отъехал на стуле к стене.

– Да? Вы же там были. И вам должно быть известно, что было, а чего нет. Кстати, фотограф собирался зайти утром и оставить заявление. Я немного удивился, зачем ему это? Всё-таки чужой город, ограниченные возможности, финансовые потери, – даже не скрывая зевоту, протянул шеф. – Но он сказал, что, напротив, для него это только в удовольствие, потому что сутяжничество – его хобби. Кстати, нужно будет попросить его принести фото. Они могут быть важным дополнением к делу.

– Какое дело, да?! Что, мне нельзя было просто отойти подышать свежим воздухом?

– Только не в то время, когда произошло убийство! – неожиданно громко рывкнул наш старый комиссар, грозовой тучей нависая над сжавшимся у стены Труппенсом.

– П-почему вы решили, что это я?

Шеф молча поставил на стол два старых кобольдовских фонаря. На днище каждого зияла вмятина.

– И чё?! – попытался вновь взять себя в руки инспектор. – Ну фонари, да?

– Расположение вмятин говорит о том, что ими ударили сверху, а обе жертвы, и Лошар и Ойсен, были ниже вас ростом. Кобольдов в этом случае вообще нельзя брать в расчёт.

– Оставьте это для присяжных, я ничего не понимаю в таких вещах. Лучше скажите, где нашли тело, да?

– В канализации, – нехотя процедил я, зная, что сейчас он нас высмеет.

– Ха-ха! И вы думаете, я смог бы пролезть туда с таким пузом? – Он демонстративно потряс руками обширное пузо, бывшее едва ли не больше, чем у комиссара. – И это всё, что у вас есть, да? Два одинаковых фонаря. А с чего вы взяли, что это мои? Там что, было выгравировано моё имя или вы нашли отпечатки пальцев?

– В канализациях все надевают рукавицы.

– Не смешите, да? Ладно, допустим, надевают. Разве не очевидно, что кто-то хотел подставить меня, да?

– И кто же?

– Кобольды.

- Им не хватает роста.
- О, это хитрые бестии! Поверьте, они его и убили.
- Кого именно? – уточнил комиссар.
- Ну... их обоих – Лошара и Ойсена!
- Допустим, а за что?

– За махинации со страховками. Что-то не поделили. Теперь-то понятно, почему было столько выплат, да! – радостно вскинулся месье Труппенс, не понимая, что уже закопал себя с головой. – Они были сообщниками. Поэтому им и удавалось всё это так ловко проворачивать. А ведь я их считал верными и добросовестными помощниками! Но мне пора. Надеюсь, я вам помог. У меня дети уже ждут свою страшную сказку на ночь. Возникнут ещё вопросы, адресуйте их моему адвокату. Именно так, да!

И он положил на стол явно заранее заготовленную визитку.

– Ну так где вы были, когда вся свадьба вас искала? – невозмутимо произнёс ему в спину шеф.

– В туалете, – безмятежно откликнулся инспектор и ускорил шаг.

Наверное, боялся, что мы бросимся вслед и арестуем его. Я подождал, пока Чмунк закроет за ним дверь, потом встал со стула и громко зааплодировал.

– Шеф, это было нечто! Вы могли бы дать фору любым столичным актёрам. Этот блеф с фотографом просто великолепен!

– Глупости, – проворчал чрезвычайно довольный собой комиссар. – Любой обман должен содержать хотя бы семьдесят процентов правды.

– Фотограф был и он действительно снимал мадам Труппенс?

– Да, был. Нет, не снимал. Вернее, снимал, но не её. Всё прочее, разумеется, игра, – важно согласился Базиликус. – Но вы просто подставили меня, нашли убийцу и не нашли улик! Сержант Браздинский, это мрак...

Кто бы говорил! В то время как он объедался деликатесами и веселился на свадьбе, мне пришлось дважды лезть в канализацию, ползать там, обливаясь нечистотами, а наверху отбиваться от нападения... После всего этого я ещё должен был смиренно вернуться ночевать в камеру. И я же ещё и виноват, что не собрал достаточно улик?!

Но, по сути, он был прав. Мы столкнулись с так называемым мошенником, а не убийцей, а преступники такого типа, как правило, ведут себя крайне глупо, не оставляя улик, но практически чуть ли не открыто признавая свою вину. Их можно лишь прижать к стенке и заставить сознаться, но собрать для суда всю доказательную базу очень проблемно...

– Возьмите Чмунка и проследите за ним, – велел мне шеф.

– Вы уверены, что инспектор не пошел домой рассказывать детям сказку?

– Уверен. У него нет детей. Моя жена ходит с его супругой на занятия по составлению траурных букетов. А вечерами компостирует мне мозг рассказами о жизни каждой приятельницы с этих курсов. Так что я их биографии наизусть выучил!

– Сочувствую, – холодно заметил я.

– У вас это ещё впереди. В общем, он не пойдёт домой. Ему туда не нужно. Если нам удалось его напугать, то месье Труппенс сейчас будет пытаться замести следы и дать дёру из города.

– Думаете, он нам поверил? А если позвонит жене?

– Вряд ли. Опять же со слов жены я знаю, что свою он боится до чёртиков.

– Тогда понятно, почему, перед тем как ехать к нам, он не договорился с ней о показаниях. Хорошо, тогда мы за ним, – приободрился я.

– Возьмите ключи от моей машины, она надёжней.

– А вы?

– Дойду пешком. Ходить полезно.

Я схватил ключи, разворачиваясь к дверям.

– И сразу звоните мне. Я буду дома, но не лягу, буду ждать звонка, – не вставая, напутствовал меня комиссар. – Кстати, да. В юности у меня были самые серьёзные роли в школьных спектаклях...

Я козырнул, закрывая за собой дверь, и, обернувшись, чуть не столкнулся с Чунгачмунком.

– У нас задание. Нужно срочно проследить за инспектором Труппенсом.

Божь хмуро кивнул и, не встречаясь со мной взглядом, заспешил к выходу. Я двинул за ним и, поравнявшись у двери, сказал:

– Я завёл «Ферму».

– Что ж, если так, ты поступил как мужчина, – коснувшись кулаком груди, признал он. – Теперь мадемуазель Эльвира должна простить Блестящую Бляху, если её сердце не камень.

– Да вроде уже простила.

– Я рад, – просиял он, судя по глазам, тоже забыв обо всём.

Всё-таки доброе и чистое сердце у этого дитя прерий. Мы с Чмунком на ходу обменялись парой фраз по делу, после чего он прыгнул на свой велосипед и рванул за машиной. Я поспешил за угол, где на нашей парковке стояло вместительное авто нашего комиссара, завёл мотор и мягко вырулил на дорогу. Впереди весело играл светоотражающий маячок на мустанге нашего рядового.

Машину Труппенса загоразивали другие авто возвращающихся с работы чертей. Главное, не потерять из виду индейца. А в том, что он не потеряет преступника, я не сомневался, ещё никому не удавалось сбросить этого зоркого следопыта с хвоста.

Покружив немного по центральным улицам, я увидел, что Чмунк остановился. К счастью, там было где припарковаться. Страховой инспектор поставил свою навороченную «Мисибиси» буквально в десяти метрах впереди, напротив небольшого торгового центра. Сам он только и успел мелькнуть хвостом, исчезая за автоматической прозрачной дверью. Я тут же набрал Чунгачмунка, не рискуя подходить к нему. Труппенс мог выйти в любой момент, а интуиция подсказывала, что лучше подстраховаться.

– Езжай дальше и встань у заднего выхода, я посторожу здесь.

– Хук! – коротко ответил индеец и, вырулив из-за стоящих у обочины машин, быстро и бесшумно завернул в переулок.

Я ждал долго. Как мне показалось, минут двадцать точно. На душе почему-то было тревожно. Разумеется, на Чмунка можно положиться, и если он молчит, значит, преступник ещё не выходил. Мои часы показали, что прошло ещё десять минут. Чем может быть занят в торговом центре убегающий от правосудия преступник? Бомбу закладывает или заложников берет, пёс-оборотень его пойми...

Я заволновался. Автоматические двери впускали и выпускали кого угодно, только не нашего страхового инспектора. Пришлось снова браться за телефон...

– Ну как? Он не выходил?

– Нет, брат Блестящая Бляха. Ни один мужчина комплекции твоего врага. Только женщины.

– Какие женщины? Он довольно высокий и с пузом. Беременные женщины выходили?

– Да, была одна такая.

– Давно?

– Хук, минут пять уже.

– Она пошла пешком?

– Да, свернула в переулок к вокзальной площади.

– Езжай за ней! Постарайся найти и задержать!

– Оставить пост? Ты уверен, брат мой бледнолицый?

– Вперёд! Мы его упустим! – взвyl я, обрывая связь и тут же набирая другой номер. – Флевретти, ты где сейчас? Ага. Не важно. Срочно езжай на вокзал! Да, срочно!!! Ты должен успеть к парижскому поезду. Наш объект – мужеподобная женщина двух метров ростом в туфлях сорок пятого размера, с большим пузом на девятом месяце!

В суматохе я совсем забыл, что, если моя версия верна, никакого «брюха» у инспектора нет, и, по идее, нам придётся проверять всех дам ростом от ста восьмидесяти и выше. Рост-то он никуда не денет. Нужно запомнить этот торговый центр: мало ли, вдруг кому-то из нас когда-нибудь понадобится переодеться женщиной в ходе операции, а тут все размеры...

Садясь за руль машины шефа, я успел посмотреть на часы. До отхода парижского поезда оставалось ровно двадцать две минуты. И я, выкручивая все запрещённые финты на дороге, создавая аварийные ситуации и чудом никого не сбив, насколько мог быстро вырулил на вокзал. И хотя мне пришлось дать изрядный круг по площади, до места я добрался за десять минут. Забежав в здание вокзала, быстро осмотрел все углы, однако никого, хотя бы отдалённо напоминающего месье Труппенса, не обнаружил. Капрала Флевретти тоже не наблюдалось, а наш краснокожий друг, скорее всего, уже был на перроне.

Но что, если я ошибся, решив, что инспектор хочет уехать на поезде? Вдруг он сбежит на автобусе или вообще автостопом? Ведь так легче замести следы. Мало ли что пошёл в сторону вокзальной площади?

Умоляя удачу не изменять и не отворачиваться, я выбежал на перрон. Где же этот тип?!

Первый, кто бросился мне в глаза, это был Фур-фур Флевретти, стоящий у стены и делающий вид, что читает газету. И когда он успел сюда добраться? Но вампиры быстрые, а бабушка у него, как он уверял, была вампиром...

Я быстро шагнул к нему:

– Ну как?

– Пока никого не заметил. Мне, кстати, пришлось отменить свидание. Бросить цыпочку, которая уже почти была согласна на всё. В смысле, это совсем некстати! Ты мне за это будешь должен, Ирджи.

– Прости, но я не смогу тебе дать того, чего не дала она.

Капрал самодовольно захихикал, я знал, что солдафонский юмор в его вкусе.

Где же Чмунк? Почему не звонит? Неужели до сих пор на хвосте у «беременной чертовки»? А если тот взял такси? Вряд ли переодетый инспектор пойдёт пешком, ведь ему ещё нужно успеть купить билет. Хотя кто у нас захочет подвезти трансвестита? Разве только опять же на автобусе. Да и то не факт, что водитель пустит.

– Прибывает поезд Кале – Парижск, – объявил вокзальный диспетчер через громкоговоритель.

И где носит этого Труппенса? Или я всё-таки ошибся и он просто вышел из торгового центра, когда мы с Чунгачмунком уже ушли? Каким же идиотом я буду выглядеть перед комиссаром...

Послышался стук колёс – громко свистя и выдувая пар, столичный поезд прибыл на перрон. Первый путь, как обычно. Я встал у второй двери выхода на перрон, Флевретти остался у первой. Если инспектор всё-таки выйдет, то мимо нас не проскочит по-любому. Народ высыпал из здания вокзала, торопясь успеть на поезд, который стоит всего десять минут. И так...

Из подземного перехода в центре перрона выскочил всклокоченный индеец, орлиное перо на его скальповой пряди сбилось к уху, лицо было непроницаемым, но глаза метались по сторонам. Похоже, он довёл объект слежки до вокзала, но здесь потерял. Я кивнул ему и указал пальцем на Флевретти. Чмунк всё понял, выбрав наилучшую точку обзора, и стал внимательно следить за обоими выходами. Но мужеподобных дам роста страхового инспектора всё не было. А время играло не в нашу пользу...

И в тот момент, когда мне показалось, что уже всё, никто не придёт, из двери, которую сторожил Флевретти, торопливо выбежала высокая дама в широкополой шляпе, парике, в длинном платье в стиле начала прошлого века, с боа из перьев на шее и со здоровущим риди-кюлем. Похоже, наш друг прибарахлился не в отделе женской одежды, а в закутке карнавальных костюмов, видимо перепутав впопыхах или из-за нехватки времени схватив что ближе. Разнаряженная «чертовка», даже не глядя на номера вагонов, рванула в первую же дверь. Надо брать!

– Не торопитесь, месье Труппенс. – Я сжал пальцы у «неё» на плече, когда «она» уже поднимала ножку на ступеньку вагона. – Теперь вам долго не придётся никуда спешить. Потому что времени будет навалом.

«Дама» обернулась. И оказалась... действительно дамой.

– Что вы себе позволяете?! – возмутилась она, изо всех сил хлопнув меня риди-кюлем по голове. Наверное, у неё там были кирпичи, потому что у меня вмиг подкосились ноги.

– Парни! Сюда! Он здесь! – неожиданно закричал Флевретти, и я, с трудом промямливая слова извинения, бесстыдно удрал от орущей мне вслед старой чертовки, преисполненной желания сдать меня в полицию, и бросился к капралу.

Он пытался удержать какого-то типа в цилиндре и чёрных очках, тот отбивался тростью и таки вырвался, успев вскочить на подножку. Но в поезд ему войти не удалось, как и сбежать тоже. Я успел схватить его за плащ и выволочь на перрон. А там уж и наш друг-индеец навалился со спины, заламывая задержанному руки.

Ну вот, с удовлетворением отметил я, хоть в одном я оказался прав: беглый инспектор всё-таки одевался в отделе карнавальных костюмов! Чёрный цилиндр, плащ-мантия, круглые чёрные очки, как у слепого или актёра Охламонстина, тросточка с золотым набалдашником и наклеенные чёрные усы торчком!

– Хотели пройти под видом вампира в трансильванском костюме? Вы арестованы, месье Труппенс.

– Ви есть отпустить меня! Дас ист возмутительно! Я пруссакский подданный, мой фатер-лянд такого не потерпляет. Вы не имейт прав меня арестовывать! – продолжал ломать комедию Труппенс, видимо в панике ничего не соображая.

– Вот клоун! – полудосадливо-полувосхищённо воскликнул Флевретти, надевая на него наручники.

– Я виноват, Блестящая Бляха. Чуть не упустил врага. Кажется, он заметил слежку и передел...

Оборвав себя на полуслове, индеец вдруг начал принюхиваться, быстро пошёл по перрону в хвост пускающего последние пары поезда, заглянул за угол здания вокзала и вернулся к нам, держа в руках охапку женской одежды.

– Платье этого беременного скво! – С чисто индейским юмором Чмунк хмуро указал на задержанного.

– Как ты его узнал, капрал? – обернулся я к Флевретти.

– Он слишком громко стучал своей палкой и явно изображал слепого. Я бы и внимания не обратил, если б не подумал, что нет ничего подозрительнее, чем слепой вампир в чёрных очках ночью.

– Даже одноногий охотник может иной раз выследить бизона, – попытался съязвить Чунгачмунк, разочарованный, что не он первым заметил преступника, но Флевретти только насмешливо фыркнул.

Милосердие и всепрощение в нашем мире не в почёте, это каждому известно. Пусть победитель торжествует, а побеждённый плачет. Я взял арестованного за другую руку, развернув к выходу, и чуть нос к носу не столкнулся с Эльвирой, держащей в руках телефон.

– Ой, извини. Я тут... э-э... случайно. Но всё видела. Как же вы здорово сработали, мальчишки!

Да, это моя девушка, вездесущая журналистка, готовая на всё ради хорошего репортажа. И почему я не удивлён?

– Ну, прости, прости. Но ведь это ты мне всё рассказал, и мне стало интересно. А можно я пройду с вами до участка? Понимаю, на допросе мне, конечно, нельзя присутствовать, но хотя бы...

Я остановил её многозначительным взглядом. Она мигом отстала, только крикнула:

– Ладно, завтра поговорим. И я тоже тебя люблю!

Дальнейшие её слова заглушил стук колёс уходящего поезда, уносившего с собой последнюю надежду поникшего преступника.

– Так, значит, ты Эльвире всё про нас рассказываешь? – обрадовался Флевретти. – Она ведёт хронику полицейского отделения Мокрых Псов? И про меня там будет? Если надо, я готов предоставить ей кучу своих фотографий – на службе, в магазине, с пистолетом, с томатным соком, у подъезда, в душе...

– За что я задержан?! – наконец опомнился старший инспектор.

– За то, что обманули комиссара, не прочли сказку на ночь детям, устроили представление с переодеванием, пытались бежать и оказали сопротивление сотруднику полиции, – навскидку перечислил я. – Даже одного этого достаточно, чтобы посадить вас на четыре года. А то и на все шесть, если судья будет женщина, у которой есть дети, любящие послушать сказку на ночь.

Труппенс поджал губы и молчал до самого участка. А я набрал шефа. Он был очень доволен, попросил передать Чмунку и Флевретти устную благодарность и сообщил, что теперь может лечь спать с чистой совестью.

– Вы не приедете?

– А зачем? Пусть помаринуется до утра в камере. Будет сговорчивее.

Я не был в этом уверен, но спорить не стал.

– А остальных когда брать? – Я намеренно говорил громко, надеясь оценить реакцию инспектора.

И не просчитался. Труппенс вздрогнул и сделал каменное лицо.

– Пусть капрал присмотрит за задержанным в участке. Всё-таки инспектор у нас главный подозреваемый. А за кобольшами поезжай с Чмунком.

– Слушаюсь, комиссар! Только позвоните вашему другу из морга. Нам понадобится фургон, на котором они приезжают на вызовы, и двое санитаров для подстраховки.

– Всё будет, – самоуверенно пообещал шеф, зевая так, что у меня в трубке завибрировало.

Когда мы все наконец добрались до участка и Флевретти распахнул дверь, быстренько отключив дико орущую сигнализацию, на город окончательно опустилась ночь. Я попросил индейца обыскать арестованного. Старший инспектор продолжал молчать, но мы и не задавали вопросов. Забрали у него телефон, чтобы он не смог предупредить своих поделщиков. Опасных режущих предметов при нём обнаружено не было, как и ничего интересного, только паспорт, бумажник, банковские карточки, авторучка и на всякий случай рулончик туалетной бумаги. Его мы отобрали – мало ли, вдруг решит повеситься. После чего задержанного заперли в камере.

Я пожелал ему беспокойной ночи и оставил смирившегося с дежурством капрала играть в компьютерные игры до нашего возвращения. После чего взял табельное оружие, выдал Чунгачмунку его томагавк и, коротко объяснив вождю, что от нас требуется, отправился с ним на задержание. Общежитие рабочих-мигрантов находилось на окраине, но доехали мы быстро: дороги были пустые. Дождались подкрепления из морга и тихо прошли в указанную комнату, открыв дверь полученными у вахтёра ключами...

Не буду никого утомлять подробным описанием ареста кобольдов. Скажу только, что прошло всё куда легче, чем мы думали. Они были слишком глупы или самонадеянны. Думаю, это инспектор убедил их в том, что полиции бояться нечего. Может быть, на своей родине в Кольбоджии они действительно привыкли к тому, что полицейского можно легко купить или запугать? Так что мы взяли их прямо из постелей, пока они спали крепким сном заядлых грешников.

Первый не успел даже проснуться, как бесшумный индеец защёлкнул наручники у него на руках. Второй проснулся и заорал что-то на своём языке, пытаясь драться, но и его тут же «окольцевали». Третьему я дал в лоб и надел наручники, прежде чем остальные осознали, что происходит. Но тут уже проснулась вся комната. Пришлось позвать санитаров. К счастью, те оказались парни не промах, хоть и зомби.

В результате мы задержали всех. Погрузили в фургон и, невзирая на вопли протеста, отвезли в отделение. Попросив водителя подождать у входа, я завёл в участок наглого Маймул-джана. По ходу попросил Чунгачмунка и санитаров придержать остальных, чтоб особо не буйствовали.

– И что выди намди впариваете ди?

– Как минимум нападение на полицейского. То есть на меня, – с улыбкой напомнил я, останавливая кобольда у камеры предварительного заключения.

Труппенс внутри должен был всё слышать...

– Но выди были ди без жетона. Парни ди слегка ди повздорили с гражданским ди. Что тако-го ди? Вы написали ди заявление?

– Да. И сам же выступлю свидетелем.

– Вот ди ябеда. Не думали ди о вас ди так... А сейчас ди у вас хоть жетон ди есть?

– Разумеется, – соврал я, так как жетон лежал в столе у шефа.

– Меня ди за что ди взяли? Я в драке ди не участвовал.

– Нет, вас задержали как соучастника двух убийств.

– Что-о?! – не поверил Маймул-джан. – Без ди адвоката ди я ничего говорит ди не буду. Позвоните ди старшему инспектору Труппенс ди! Он найдет ди нам адвокатов.

– Значит, вы не в курсе, что это он обвинил вас с товарищами в убийствах? Ну и, до кучи, в финансовых махинациях с медицинскими страховками.

– Не может быть ди?! – Землистое лицо болтливого кобольда заметно побледнело.

Я развернул его за плечи, глянул мельком в камеру и, убедившись, что Труппенс стоит у стены, ещё более бледный, чем его подручный, удовлетворённо хмыкнул. Маймул-джан был возвращён в фургон поделиться информацией с соотечественниками. Кстати, к моему приятному удивлению, все они уже вели себя тихо и смиренно.

Здесь надо сказать спасибо зомби. Хоть у санитаров морга обычно клиенты самые спокойные, но ребята недаром оканчивали короткие медицинские курсы с обязательной практикой в психушке, поэтому знали, как обращаться с буйными пациентами. Так что, когда я второй раз заглянул в фургон, никто из кобольдов уже не пытался качать права и распускать руки.

Хотя вообще-то воинствующие и раздражённые кобольды были мне сейчас гораздо нужнее. Поэтому я толкнул Маймул-джана к остальным, прикрыл дверь, дождался первого гневного вопля: «Инспектор ди крыса ди-и!» – и спокойно вернулся в участок. Подошёл к камере предварительного заключения и сделал вид, что устал, прислонившись спиной к стене. Теперь считаем: один, два, три, четыре...

– Вы нас посадите в одну камеру, да?! – бросился царапать дверь со своей стороны явно перепуганный Жорж Труппенс.

– Да, а куда нам ещё их девать?

– А зачем вы сказали ему, что это я обвинил их во всех преступлениях?!

– Минуточку, это же ваши показания. Вы сами так заявили на допросе у комиссара. В чём проблема?

– Проблема?! – истерично взвыл инспектор, всем телом бросаясь на равнодушную железную дверь. – В том, что они меня здесь же и задушат, да! Это вы понимаете?!

– Мне кажется, вы преувеличиваете... К тому же у нас всё равно нет другой камеры.

– Отвезите меня в окружную тюрьму!

– Не могу, пока вы лишь подозреваемый, – честно ответил я. – Против вас лишь косвенные улики. Вот переночуете вместе с кобальдами, завтра комиссар проведёт очную ставку и...

– Очную ставку с моим трупом, да?! – вырывая волосы меж рогов, нервно захохотал месье Труппенс. – А если я прямо сейчас напишу признание?

– Боюсь, суд может счесть его как данное под давлением...

– Ничего подобного! Я письменно подтверждаю, что даю самое добровольное признание! Хочу облегчить душу, да, да! Только не оставляйте меня с ними ночью. Отправьте в тюрьму, да! Я знаю, вы благородный и честный чёрт, вы обязаны мне помочь, умоляю-у-у!

– Что ж, месье, как только вы всё напишете, я сразу же им позвоню. Но без письменного свидетельства округ не будет высылать машину.

– Давайте сюда ручку и бумагу!!!

Спустя десять минут лихорадочной писанины он поставил внизу размашистый автограф и протянул мне готовую страницу.

– Ну что, теперь меня заберут в центр?

– Постараюсь сделать всё возможное, – ответил я, читая, что он там понакорябал.

Почерк хуже, чем у цыпленка табака! Однако, по сути дела, действительно полноценное признание. В целом оно подтверждало мою версию. Труппенс сознался в двойном убийстве. И если убийство старшего помощника он спланировал – тот сам участвовал в махинациях и давил на начальство, требуя увеличить свою долю, то несчастного секретаря Ойсена убил уже спонтанно. Когда Ойсен сбежал, он понял, что тот становится опасным, он знал, что тот в курсе фиктивных страховок кобальдов, видел, как начальник привязывал живот, и догадался, кто убил Лошара.

По словам Труппенса, он хотел лишь припугнуть секретаря, для этого заманив несчастного в канализационный туннель, и даже предложить денег. Но потом, видя перед собой практически беззащитную жертву, не смог удержаться от соблазна и ударил фонарём. Тот, падая, схватился за фонарь и упал в воду, а там Труппенс просто не давал ему вытащить голову из воды, пока тот не захлебнулся. Фонарь так и остался у него в руках.

Кобальды, разумеется, были в курсе всего происходящего. Нет, они не принимали участия в убийствах, просто стояли в сторонке, считая, что разборки взрослых чертей их не касаются. Ну разве что предприимчивый Маймул-джан потребовал от инспектора пару дополнительных страховок. Тот отказал, за это вожак кобальдов сделал мне прозрачный намёк на мужскую беременность. В иной ситуации это можно было бы расценить как помощь полиции, но у этих тружеников канализационных люков всё равно рыльце в пушку.

– Вы забыли ещё об одном. О том, что отправили кобальдов меня избить.

– Да, было дело. Я запаниковал, – без капли раскаяния в голосе пробормотал он. – Когда вы ушли, Ойсен позвонил мне и сказал, что больше не может молчать (он считал, что, предупреждая меня, поступает честно, ведь я его начальник и идти против меня, что бы я ни совершил, неэтично). Я с трудом убедил его дать мне последний шанс, предложил выслушать, а потом пойти признаться вместе в махинациях со страховками. Я сказал, что покажу ему кое-что, что докажет мою невиновность в гибели Лошара. Он был слишком наивный для чёрта и поверил.

– Минуточку, но ещё днем, когда я заметил, что ваш секретарь следит за мной, он был до ужаса напуган. Ойсен всерьёз боялся за свою жизнь. Он говорил, что его хотят убить.

– Этот интеллигент всегда был очень мнительным. Его напугала смерть товарища. Но и переубедить его было нетрудно, он легко поддавался внушению, – пожал плечами Труппенс.

И всё же, что бы он ни говорил, он совершил два убийства. У меня больше не было причин держать этого циничного убийцу здесь. Я отвёл его в кабинет шефа и, оставив под присмотром Флевретти, вышел к Чмунку и разрешил перевести кобольдов в камеру. После чего вернулся и позвонил в окружную тюрьму с просьбой прислать машину.

– Они приедут утром. А пока можете поспать здесь.

Это была моя небольшая месть Базиликусу за утренний арест. Я знал, как он дорожит своим бархатным диваном (наследство от бабушки), на котором любил поспать после обеда, предупредив капрала, что если его кто-то будет спрашивать, то он «находится на важном задержании». Вполне возможно, что он и устраивал важные задержания. Только во сне.

Старший инспектор компании «Могила и Ренессанс», укладываясь спать, со слезами благодарил меня за участие. На него вдруг накатило какое-то смирение и всепрощение, так что я чуть было не начал ему сочувствовать. Но тут же вспомнил, что теперь я или Чмунк должны всю ночь сидеть рядом, чтобы преступник не сбежал. Наручники мы ему снимать не стали, даже на всякий случай надели ещё одни на ноги. Оставив утомленного индейца сторожить заключенного, я пошел проверить кобольдов.

Выходя из коридора, мельком посмотрел на настенные часы в комнатке придремавшего за столом Флевретти. Два часа ночи. Неудивительно, что так хочется спать и в голове сплошной туман.

Кобольды устроились кто где: кто на полу, кто на скамейке, кто прислонившись к плечу соседа. Они, как рабочие, заслужили крепкий сон. Надеюсь, не замышляют бунт или бегство. Шеф обещал прийти в девять, вот тогда мы начнём их допрос, который по большей части ляжет на плечи комиссара. Но он это любит. В смысле пожинать плоды и собирать лавры. Поэтому утром предпочтёт сам передать инспектора Труппенса офицерам из окружного управления, чтобы ещё раз покрасоваться перед начальством. Если не успеет, это его проблемы. Звонить ему я не собирался.

Чтобы не уснуть, я расчистил место на своём столе перед окошком, уселся, а вернее, рухнул на скрипучий стул и начал писать отчёт...

– Эй, ты что, спишь? Ну ты даёшь. У нас тут пятнадцать криминальных кобольдов в камере, не говорящих на нашем языке, поэтому никто не знает, что они замышляют, а ты спишь! – проорал мне почти в ухо Флевретти, думая, что это смешно.

Я протёр глаза. Капрал в своей неизменной манере был бодр как огурчик, и стакан томатного сока в руке.

– Труппенс на месте?

– Да, Чунгачмунк его только что водил в туалет. Может, мне сбежать за свежим круассаном ему на завтрак?

Неужели уже утро? Да, в окно лился холодный свет восходящего зимнего солнца.

– Я бы сказал, возьми круассаны на всех.

– Что? Ты не шутишь? Может, мне им всем ещё кофе с конфеткой разнести?!

Видимо, я не подумал. Но, с другой стороны, гуманное отношение к задержанным никогда не вредило, к тому же могло помочь делу. Нам предстоит ещё всех их допросить. Конечно, если получится.

Кобольды о чём-то шушукались на своём языке и спорили, видимо договариваясь, что отвечать на допросе, а Маймул-джан уже два раза требовал через окошечко инспектора Труппенса. Тот, понурый и помятый, сидел на диване. Дисциплинированный вождь при моём появлении вскочил и дважды стукнул себя кулаком в грудь.

– Они ждут, что вы наймёте им адвокатов, – сказал я инспектору.

Его лицо перекосила усмешка, он буркнул что-то типа: «Перебьются, самому надо».

Буквально через десять минут приехал конвой из округа в сопровождении офицера, которому я и передал с рук на руки задержанного. Уехали они всего за пять минут до прихода комиссара Базиликуса. Представляете, как ему было обидно?

– Почему мне не позвонили?

– Не рискнул вас будить, – с холодной вежливостью парировал я.

– Вы что это... вы положили его спать на моём диване?!

– Камера предварительного заключения набита битком.

– А кто без моего разрешения отправил его в округ?

– Взамен нам удалось получить его признание, – улыбнулся я, доставая бумагу из ящика своего стола. – И похоже, что он не врёт. Хотя сейчас, я думаю, уже жалеет об этом.

– Признание? – смягчился шеф. – Ну ладно, это многое извиняет. Вызывайте всех арестованных по одному. Я жажду хоть кого-нибудь допросить с пристрастием!

В процессе допроса оказалось, что ещё минимум четверо понимали и могли хоть с трудом, но изъясняться на нашем языке. И вообще, допрос прошёл довольно успешно, кобольды рассказали всё.

Маймул-джан, как я и предполагал, оказался их вожаком и неформальным лидером. Он запрещал им общаться с кем-либо, кроме как через него, забирал себе значительную часть страховок, заставляя работать вместо себя, и многих это уже достало. Действительно, один из кобольдов умер от пневмонии, потому что слишком часто падал в холодную воду, изображая, что споткнулся, упал и что-то себе сломал. Хотя ломал по-настоящему, потому что справки им выписывал врач, который приходил к ним в общежитие раз в неделю и фиксировал все травмы. Врача мы тоже задержали, и позже он был осуждён. Оказалось, что, несмотря на быструю регенерацию, простое воспаление лёгких может оказаться для организма кобольда смертельным.

Напавшие на меня кобольды также сознались и покаялись, опять же явно по предварительной договорённости. Видимо прекрасно понимая, что, если я их видел и сам укажу нападавших, последствия будут серьёзнее. Я бы, разумеется, никого не узнал, дрались-то в темноте. Но обмануть они уже не пытались, добровольное признание смягчает наказание. В общем, в окружную тюрьму с разными обвинениями мы отправили только тех, кто напал на меня в пабе, и Маймул-джана, а остальных за чистосердечное признание и сотрудничество со следствием отпустили до суда. Мошенничать со страховками они уже не могли, зная, что за первый же перелом их может ждать судьба отравленных в тюрьму товарищей.

У меня открылось второе дыхание, и я всё-таки сел за отчёт. Чунгачмунк справился со своим быстрее, его отчёт был в разы короче, и вождь смог уйти наконец домой спать. А пока я писал, с трудом держа глаза открытыми, передо мной лёг мой жетон.

– Можете возвращаться к своим обязанностям, сержант. Официально, я имею в виду, – прокашлялся комиссар, понимая, что это звучит глупо.

Но вид у него был такой, будто я его должен сердечно благодарить за незаслуженный подарок.

Я поднял бровь, косясь на жетон, и первой мыслью было просто отодвинуть его в сторону, закончить бумажную работу, молча уйти и никогда больше сюда не возвращаться. Но сладкие грёзы длились лишь пару секунд. Я вернулся в суровую реальность и просто продолжил писать отчёт, никак не отреагировав на поступок шефа. Он слегка обиделся и ушёл к себе в кабинет, бурча что-то про чертовскую неблагодарность.

Флевретти пропустил эту немую сцену, ибо был с головой занят другим.

– Смотри, я в сегодняшних местных новостях! Здесь моё фото. – Он развернул монитор ко мне. И я увидел перрон, где он висел на ноге костюмированного инспектора Труппенса.

– «Доблестный капрал Фурфур Флевретти задерживает крупного мошенника и безжалостного убийцу». Каково, а? Я и не думал, что мои скромные усилия на поприще поимки

преступников когда-нибудь оценят. Ведь сколько лет я выполняю эту опасную и неблагодарную работу, а до сих пор никто этого не замечал.

– Поздравляю, слава тебя догнала, как ты от неё ни прятался, – устало улыбнулся я, подумав, что Эльвира всё-таки не удержалась, чтобы не использовать жареные факты.

Конечно, для неё главное – сенсация, а что ловили преступника мы втроём, не важно. Красивый кадр в утренней газете решает всё...

Отчёт был закончен, я положил его в папку, махнул рукой капралу и гордо ушёл к себе в гостиницу спать.

Разбудила меня опять-таки Эльвира. Сначала я не хотел брать трубку, но пришлось. Лучше ответить сразу, чем потом придумывать объяснения, почему не перезвонил.

– Привет, милый! Ты что, спишь? – радостно зашептала она с пулемётной скоростью, чтобы я не успел вставить ни слова. – Я хочу извиниться! Ты уже видел статью, да? Это всё наш новый редактор, не знаю, как его назвать. У меня слов нет! «Скотина», «подонок», «мерзавец» – самые мягкие. Я оставила ему такой материал, такой материал, всё-всё-всё о тебе, а он это вырезал!

«Каков нахал», – мысленно поддержал её я и вновь приложил трубку к уху.

– Я и сама виновата, забыла зарядить телефон, поэтому успела снять только Флевретти, как дурацкий LiGi разрядился, представляешь?! А наш кретин-редактор под это фото изрезал всю статью! Он недавно приехал и вообще ничего не знает ни о полиции, ни о тебе, ни о всех тонкостях вашей работы. Я, как увидела, честное слово, я его чуть не убила! Меня оттащили, меня четверо держали! Но он сказал, что из-за выставки церберовши-тцу места на первой полосе не хватило...

– Как я тебя не заметил?

– Ну я немного задержалась после нашей встречи и, в общем, видела ту драку в пабе. То есть не саму драку, я сидела в такси, когда оттуда удирали побитые кобольды, а за ними ты, взмокший и потрёпанный. Ты побежал за ними, потом сел в авто. Я попросила водителя поехать следом.

– Дьявольщина, как я был слеп...

– О нет, дорогой, тебе было просто не до меня! Но я решила идти до конца, потому что твой триумф должен был быть запечатлён!

– Ты хотела сказать, триумф Флевретти?

– Ну да, прости, так уж получилось...

Хорошо хоть, не выболтала ничего из нашего разговора в кафе о страховках. Статья была лишь о задержании «опасного преступника», там были упомянуты и мы с Чунгачмунком, но почему-то исключительно как неловкие помощники гениального оперативника Фурфура Флевретти. Как-то так...

– Но ты не могла преследовать меня весь день, да ещё и на такси. Это было бы слишком дорого, да и невозможно...

– Ты прав, любимый, я просто не договорила. Когда ты спустился в канализацию, я попросила таксиста отвезти меня к «Могиле», где оставила свою машину. Когда я вернулась обратно, тебя там уже не было. Был только один кобольд, который не разговаривал по-нашему, так что я не смогла ничего у него узнать. Тогда я позвонила Флевретти, чтобы выведать всё у него, но долго не могла дозвониться. А когда наконец дозвонилась, он был уже на вокзале и сказал, что вы там задерживаете преступника. Я, конечно, пулей рванула туда и как раз успела!

Ну это всё объясняло... В общем, чтобы наконец покончить с этим делом, скажу. Через день мы получили подтверждение о махинациях инспектора Труппенса от головного управления страховой фирмы «Могила и Ренессанс». Типа они тут же подняли все дела и выяснили, что он уже полгода морочил им голову, проворачивая многотысячные денежные аферы. Кобольдам доставалась в лучшем случае только десятая часть краденого. Нашему отделению

прислали поздравительную открытку и купон на скидку в пять процентов в знак огромной благодарности. У комиссара это вызвало дикое раздражение.

– И что, никто там не знал о быстрой регенерации кольбоджийских кобольдов, это же просто смешно?!

Я вспомнил, что то же самое говорила Эльвира, и улыбнулся. А ведь, пожалуй, она могла бы работать в участке. Только что бы она там ни говорила про мечту о полицейской службе, она слишком любит свою журналистику и ни на что её не променяет.

После долгого суда Труппенсу дали двадцать пять лет заключения в тюрьме общего режима за преднамеренное и непреднамеренное убийство, мошенничество с деньгами страховой компании, организацию нападения на полицейского и препоны следствию. Маймул-джан пошёл прицепом, но отделался четырьмя годами.

Напавших на меня кобольдов решением суда экстрадировали на родину без права возвращения. Их товарищей это так напугало, что они с благодарностью и явным облегчением приняли приговор суда о трёх месяцах исправительных трудовых работ в тех же канализациях. И – о чудо! – оказывается, они прекрасно могут работать без травм и медицинских страховок!

А капрал целую неделю ходил на свидания, небрежно обмахиваясь газетой со своим портретом. От его хвастовства новыми победами отделение уже начинало пошатываться. И хотя честный вождь неоднократно ловил капрала на вранье, тот всё равно считал себя героем и любимцем женщин!

Да пусть. Мне не жалко. Тем более что Эльвира вновь намекнула, что нам с ней уже пора бы и...

Глава 2

Изя Изряилевич

Город чествовал Флевретти почти неделю. Он стал местной знаменитостью, и ему теперь не нужно было вешать в Интернете аватарку загорелого мускулистого демона с красными глазами, чтобы выманить девушку на свидание. Они сами напрашивались, причём отлично зная, что наш капрал – тощий, неопрятный чёртовампир с щербатыми зубами, без гроша в кармане, каких-либо карьерных амбиций и перспектив⁴.

С меня официально сняли все обвинения в награду за усердие на службе обществу. Шеф великодушно это подчеркнул, сказав, что вовремя придержал бумаги, не доведя дело до суда, ибо не всегда стоит торопиться в нашей сложной служебной деятельности. Сам он получил похвальную грамоту от городских властей. Ему даже обещали повысить будущую пенсию, но, скорее всего, соврали.

Мой честный друг, индеец Чунгачмунк, не получил ничего, хотя в задержании тоже участвовал. Но он и не гонялся за наградами, для него было достаточно самого факта, что преступники пойманы, наказаны и справедливость восторжествовала.

Я думал, что теперь опять какое-то время будет тихо, но уже через два дня после вышеописанных событий кое-что случилось. И на этот раз городу угрожали такие события, которые могли навсегда разделить его жизнь на До и После. Именно так, с большой буквы, и я вовсе не нагнетаю драматизм. Давайте по порядку...

...День был серый и безобидный, служба текла своим чередом, как всегда не предвещающая ничего особенного. Дату начала торжеств тринадцатого снега так и не вывесили, хотя погода способствовала и девять-десять снегов наверняка уже выпали.

Я сунул в стол папку рутинных отчётов о горгулиях, нарушающих воздушное пространство над городом. Буквально полчаса назад звонила Эльвира, и мы договорились вместе пообедать в небольшой кофейне «Захер» на площади. Местные называли её более весело, произвольно меняя начало названия, но на самом деле там подавали лучшие на свете шоколадные пирожные.

– Ты знаешь, мне пришла идея! – выпалила она в телефон вместо приветствия. – То свидание, которое ты пытался нам устроить... Оно несколько...

– Ну да, я помню, что здорово накосячил, – начал я. «Только не знаю где», – додумал уже про себя.

– Ирджи, пойми меня правильно, ты старался, я знаю, я это ценю. Ты извини, что я так всплыла и сразу ушла. Просто я была... огорошена! Мы здесь, в Мокрых Псах, к таким извращениям не привыкли. Это было как-то слишком...

– Слащаво? – понизив голос, спросил я, надеясь, что наостривший уши Флевретти ничего не услышит.

– В точку!

Я покраснел, до хруста стиснув зубы. Штаны архангеловы, я старался оформить комнату в моём представлении, создавая интим так, как, я думал, должно было понравиться девушке и как это гарантированно бы понравилось у нас в Полякии.

– Не обижайся, пожалуйста! У нас, как в Парижске, принято типа пожётче устраивать свидания. Так что давай я сама всё сделаю, а если хочешь услышать подробности, встречаемся минут через тридцать – сорок в «Захере».

– Может, прямо сейчас?

⁴ Все газеты опубликовали его краткую биографию. А один раз его даже показали по местному телевидению.

– Нет, я раньше не успею. Бегу в больницу взять интервью у одного приезжего, которого только что сбил ребёнок на велосипеде.

– Серьёзное дело.

– И главное, милый, не загоняй себя, прибереги энергию до вечера. Ты нужен мне отдохнувшим...

Ну вы понимаете, что после этого я просто не мог думать о работе. Голова была забита совершенно иными вещами. Например, что такое «свидание пожестче»? Это кожаные маски, цепи, хлысты и ошейники с шипами? Бесплатный Интернет был только на компьютере капрала, но просить его нарыть мне познавательную информацию показалось как-то неудобно. С другой стороны, второй раз попадать впросак из-за банальной недообразованности тоже не хотелось. Может, у нас в вещдоках есть какие-нибудь журнальчики на эту тему?

И вот, когда часы пробили половину первого, а я уже был готов сорваться с места на законный обед, в дверях своего кабинета показался комиссар Базиликус.

– Зайдите ко мне, сержант. Для вас есть дело.

– Но... это не может подождать? Обед же. Я добегу до кофейни?

– Позже пообедаете. Дело срочное.

– Да, свиданка в парижском стиле обламывается, по ходу, – хихикнул мне в спину Флевретти, который, видимо, всё равно что-то услышал.

– Заткнись, Скользкий Брат, – тяжело вздохнув, попросил я, зная, что капрал жутко не любит это прозвище.

Ладно, что у нас там такого срочного случилось...

Комиссар уместил свою толстую тушу обратно в трещащее от непосильной ноши кресло и, достав платок, вытер пот со лба. Вроде не так сильно топили, было даже прохладно, но он не только вспотел, но и сильно покраснелся. Плохой признак.

– Садитесь, сержант, у меня к вам серьёзный разговор. Поверьте мне, об обеде стоит забыть. Как и о жёстких прелестях мадемуазель Фурье.

– Но у меня там... – начал я возмущённо и осёкся. Похоже, уже всё отделение полиции в курсе моих с любимой девушкой планов на вечер.

– Вам придётся кое-кого поизображать, – издали начал шеф, глядя на меня каким-то рассеянным и оценивающим взглядом.

– Надеюсь, на этот раз не гея? А то у меня от мужских стрингов всё чешется, – честно признался я.

Вы, наверное, уже и забыли это непростое дело о «мёртвой учительнице» в университете для девушек, куда мужчины не допускались воинствующей феминисткой – директрисой. Мне удалось пройти внутрь только потому, что к геям они относились как к сёстрам. Ну и хлебнул же я тогда позору, на всю жизнь хватит. Как выкручивался перед Эльвирой, доказывая свою традиционную ориентацию, вообще отдельная песня...

Но шеф даже не улыбнулся, а опустил глаза и скорбно покачал головой, что, конечно, не могло не встревожить.

– Нет, Браздинский. Вам будет нужно только... притвориться террористом.

– Что-о?!

– Это ваш служебный долг, – быстро предупредил он. – А мой долг – внедрить в ряды преступного элемента своего лучшего сотрудника! Мне тоже больно, но что поделать...

В первую секунду мне показалось, что я ослышался. Внедрение? В ряды террористов? Но у нас тут не Средний Восток, откуда им взяться?!

Базиликус прокашлялся, стряхнул с мундира пару крупных крошек от пончиков и продолжил, не обращая внимания на мою реакцию:

– Я получил сегодня анонимный звонок. Звонивший сказал только одно слово. Вернее, два: «Изя Изряилевич».

Я вопросительного уставился на него:

– Это шутка?

– Это известный в нашем городе портной, – пояснил комиссар. – Моя жена шьёт у него платья. Почему-то женщины его очень любят за обходительность, хотя он дерёт втридорога. Вот адрес его ателье. – Базиликус быстро написал пару строк и протянул мне бумажку. – Так вот, общеизвестно, что, кроме всего прочего, он шьёт и жилеты шмахида.

– Почему же вы его не арестовали?

– Попробовали бы вы сами! Я с нашими женщинами связываться не хочу. Помните, что они устроили нам, когда мы взяли Зака Фигувамнакиса? Так вот, а портного Изю наши горожанки уже лет тридцать боготворят! Представляете, что будет, если мы его арестуем и закроем его мастерскую? Да нас повесят на вон тех вязах за окном судом Винча!

– Минутку, шеф, – не стал попусту спорить я. – Давайте разберёмся. Вы говорите, он местный? Тогда наверняка знает, что у нас в полиции служит всего три чёрта. Ну четыре, если считать вас.

– Меня почему-то никто не считает. Хотя я тоже здесь служу, и поболее вашего...

– Извините. Я веду к тому, что он меня стопроцентно узнает.

– Не факт. Вы у нас чёрт новый, есть шанс, что он не знает вас в лицо.

– Ага, после стольких дел и газетных статей с моей физиономией?

– Да кто всерьёз читает эту дешёвую прессу?! – делано возмущился комиссар, мельком покосившись на газетную вырезку с собственным портретом в золотой рамочке на стене. – Я уверен, что вы справитесь с заданием. Изя Изряилевич Бронштейн всё время проводит в своей мастерской. Шьёт не вставая. Поэтому риск того, что он вас узнает, минимален. Вы просто приходите к нему и говорите пароль: «Шоб я так жил!»

– А откуда вы знаете пароль? – удивился я. – Террористы подсказали или тот самый неизвестный доброжелатель?

– Такой пароль у него уже лет десять. Если, конечно, не поменялся. Вы не забывайте, я здесь уже столько лет служу. Мне всё приходится в городе знать.

– Но почему вы решили, что городу грозит теракт?

– Вот вы и выясните, грозит или не грозит. Вы учились в столице. Должны знать, как общаться с террористами.

– Такой практики у нас не было, – понурился я, понимая, что шефа не переубедить. – И изображать террориста мне тоже ещё не приходилось.

– Всё бывает в первый раз.

– Но разве этим не должны заниматься спецслужбы антитеррористической деятельности?

– Я с ними уже разговаривал, – уныло признался комиссар. – Этого Изю они отлично знают. В целом безобидный чёрт, обычный пособник террористов, не более. А служебные командировки их агентов слишком дорогостоящи. Потому что они должны жить в лучших гостиницах, одеваться в самые дорогие костюмы и питаться в самых дорогих ресторанах.

На миг я почувствовал жгучее желание срочно подать рапорт и поступить в их ряды. Но, дьявольщина, кто же возьмёт в правительственные спецагенты простого полицейского? Туда без блата никак не пробиться, и берут только коренных парижцев, в третьем поколении, с рекомендациями не ниже мэра столицы или главного прокурора...

– Они сказали, что нам необходимо самим всё выяснить, и если мы раздобудем доказательства того, что Мокрым Псам действительно грозит серьёзный теракт, то они, может быть, и найдут средства прислать сюда парочку агентов для проверки.

– А насколько серьёзный теракт им нужен?

– Не менее тысячи законопослушных граждан. А от шмахидских жилетов Бронштейна пока погибло всего пятеро-шестеро, да и те в основном сами террористы.

– То есть, по меркам столицы, этого недостаточно?

Шеф скорчил виноватую физиономию и молча развёл руками:

– Вы ведь служили в Парижске. Сами знаете, какие нравы там царят. Такая глухая провинция, как мы, никого не интересует. А тех комиссаров, кто постоянно чего-то требует, просто снимают с должности.

– Понимаю, – сжал губы я. – Это действительно не новость.

– И кстати, напоминаю, задание секретное. Я имею в виду мадемуазель Эльвиру.

– Да, конечно, – поморщился я.

И когда они закончат притыкать меня тем, что я рассказал Эльвире о махинациях со страховками?

– Отлично. Тогда неудачного дня! Жду вечером с отчётом. – Шеф взглядом выпер меня из кабинета. – Только не слишком поздно, я хотел сегодня уйти в пять.

Дверь закрылась за мной, едва не добавив пинка для скорости.

– Что такой бледный? – тут же полюбопытствовал неугомонный Флевретти.

Чунгачмунк оторвался от разбора вороха старых заявлений и тоже посмотрел на меня с сочувствием. Я только махнул рукой: не приставайте, и без того тошно. У меня пухла голова от сложности задания, которое вдруг рухнуло на плечи, словно глыба снега.

Я сел за свой стол и задумался, тупо глядя перед собой. Полиция не занимается борьбой с террористами, но кому и что этим докажешь?! Похоже, вариант был один. Тупой, примитивный и наглый, а потому могло повезти.

Нужно лишь надеть тёмные очки, намотать на шею большой клетчатый платок с кисточками, явиться к этому портному и сказать, что я шмахид из «Аль-Хакаиды». Надеюсь, он удивится, обалдеет и не станет задавать слишком много наводящих вопросов. В конце концов, террористы не ведут переговоры. Или с ними не ведут?

Если бы можно было обратиться к кому-то за советом. Но ведь дело секретное, и тут я мог положиться только на себя. Я лихорадочно вытер выступивший пот: дьявольщина, да у нас в участке жарко, как в аду...

– Мы идём обедать, брат Блестящая Бляха, – сказал Чунгачмунк, не сводя с меня пристального взгляда. – Может, пойдёшь с нами?

– Нет, идите, я попозже.

Индеец ещё раз серьёзно посмотрел на меня. Хотел сказать что-то ободряющее, но по своей привычке не тратил слова зря промолчал, и капрал потащил его в ближайшую гнусную чебуречную.

Я нервно взял листок бумаги. Эльвира, любимая, прости! Надо всё продумать. Как выглядеть, что говорить, как себя вести. Он не должен меня раскрыть. Второго шанса может не быть, и даже наверняка не будет. На мне лежит ответственность за жизнь жителей этого города. Я заметил, что чем больше обо всём этом думаю, тем сильнее волнуюсь и просто хочу куда-нибудь сбежать...

Но пришлось брать себя в руки. Я пересел за компьютер Флевретти и пробил по нашей базе Изю Изряилевича Бронштейна. Ничего. Тогда я вбил его имя через банальный «Тынкенс-поиск». Искомый портной нашёлся сразу в биографическом указателе жителей города Мокрые Псы. Но и здесь не было ничего. Вернее, ничего из того, что, на первый взгляд, могло бы мне пригодиться для выполнения задания.

«Изя Изряилевич Бронштейн. Родился в неизвестно каком году вроде бы в Херьсоне, якобы на окраине. Эмигрировал в Мокрые Псы тоже в каком-то мохнатом году и открыл здесь мастерскую по пошиву элитного женского белья, потом просто женской одежды. Женат, имеет троих (или больше, не уверен) детей. Кормит многочисленную родню из-под Кривно. Счёт для пожертвований прилагается, но всегда лучше наличными...»

Это всё. Причём ссылка была старой, её просто перевели в электронную версию и давным-давно не дополняли.

В общем, нужно идти и выяснять всё на месте. Я решил обойтись без предварительных звонков, а если моё волнение будет заметно, это не страшно. Сошлюсь на обычное нервное перевозбуждение террориста-смертника перед встречей с самим Люцифером. Вдруг всё сложится не так и ты попадешь в рай? Никому этого не хочется. Так что с волнением всё нормально, прокатит. Но что, если он меня раскроет и взрыв прогремит прямо там? Судя по его специализации (пошив жилетов шмахидам), его мастерская должна быть просто напичкана взрывчаткой. И как могут спецслужбы закрывать на это глаза?

Через пять минут, умывшись и выровняв дыхание (всё-таки надо было успокоиться, а то не смогу скрыть в лице чисто полицейскую ненависть к преступнику), я послал Эльвире эсэмэс о том, что никак не смогу насладиться обедом в её обществе. Но люблю её больше жизни, и, если что не так, пусть поминает лихом. Последнее, наверное, опять-таки от нервов, ну и ладно... Сел в служебную машину и поехал по указанному адресу. Не самый центр, но и не окраина. По дороге затарился в том самом привокзальном торговом центре и вышел оттуда уже просто как самый что ни на есть настоящий террорист! В очках и платке!

Однако нужный дом я не смог сразу найти даже с навигатором. Место оказалось неприметное, как и требовала специфика тайной специализации портного. Но, как было понятно со слов шефа, не такой уж тайной, если все дамы города её знали.

Поскольку сам Бронштейн никого не взрывал, наши законы позволяли закрывать глаза на такой «левый» бизнес. И пока у нас в городе не было терактов, никто бы не полез арестовывать этого пособника «Аль-Хакаиды». Имеется в виду старина Жерар Базиликус, который только и думает, как бы в тишине и покое дожить до пенсии. Я – другое дело...

Для меня было неммыслимым, как можно столько лет оставаться столь терпимым к преступнику, и тем более прислужнику террористов. Я проехал мимо, припарковал машину в переулке и, отмахиваясь от надоедливых белых мух, прошёл обратно пешком. Ателье, называвшееся «Любой каприз», было расположено между бюро ритуальных услуг и мастерской по реставрации надгробных плит. Местечко то ещё...

Я толкнул старенькую деревянную дверь с облупившейся краской, прозвенел колокольчик, и мне пришлось шагнуть в плохо освещённое помещение с тучей пыли и запахом склепа. В глубине, сгорбившись над столом, что-то кроил большими садовыми ножницами пожилой невысокий чёрт, видимо сам хозяин.

Он не сразу обратил на меня внимание, продолжая работу. И в этот момент я, не удержавшись, громко чихнул. Тут уж он выпрямился и поправил очки на носу. Да, на вид ему было лет шестьдесят, седые пейсы, поношенная одежда и какая-то вселенская скорбь в волооких глазах. На нём был огромный фартук, на шее висел портновский метр, а руки перепачканы мелом.

– Шо вам угодно, молодой чёрт? – вежливо, но, как мне показалось, с тревогой в голосе поинтересовался он. – Хотите-таки заказать костюмчик или я зря родился?

– Кхем-кхем! Нет. Шоб я так жил, – прокашлявшись, выпалил я.

– Шо, простите?

– Шоб я так жил! – сказал я, на всякий случай оглядываясь по сторонам.

– Ви за заказом от «Аль-Хакаиды»? Это было кстати. Похоже на удачу.

– Да!

– Всё почти готово. Таки нужно всего лишь сделать примерочку. Однако я не знал, шо ви тоже с ними, пан Брадзинский.

Наверное, у меня отвисла челюсть, и я покраснел, как чертёнок на первом свидании. Ну вот, шефу легко говорить, что меня тут не все знают. Теперь придётся выкручиваться на ходу. Если он поймёт, что я здесь на задании, дело плохо.

Однако, пока я открывал и закрывал рот, Изя Изряилевич сунулся куда-то под стол и уже через минуту протягивал мне скромную жилеточку фабричного образца, только довольно

объёмную. Внутри были вшиты карманы, в которые были вложены тяжёлые бруски чего-то, похоже, что пластика, а спереди висел шёлковый шнурок с кисточкой, как от дверного колокольчика. О его предназначении нетрудно было догадаться. Дёрни разок, и ты в аду.

– Таки примерьте. Или я зря родился?

– Но зачем?!

– Изя Изряилевич отвечает за свою работу. Так, тут надо немного ушить по талии и чуточку добавить в плечах.

– Да н-не нужно. Меня всё устраивает. Оч-чень красиво, – заикаясь, выдавил я, примеряя жилет, который, по сути, был мне на один раз.

После взрыва я его уже точно не надену. Так какой смысл в примерке?

– Ой, ви ещё так беспечно молоды, – безошибочно угадывая мои мысли, начал седой чёрт с пейсами. – Не нужно делать удивлённое лицо, старый, больной и никому не нужный Изя достаточно пожил на свете, шоб разбираться, шо к чему. Или я зря родился? Когда ви дёрнете за верёвочку и оно шарахнет так, шо небу станет тошно, наш создатель Люцифер примет вас в свои объятия и посмотрит придирчивым взглядом. А у вас жилет морщит под мышками. Таки шо, опять во всём виноват Изя Изряилевич, святой воды ему в чайник?!

– Мгм... это лучший жилет шмахида, о котором можно было только мечтать, – неуверенно протянул я, надеясь втереться в доверие к портному.

Грубая лесть часто помогает вытянуть информацию из собеседника. Но он лишь самодовольно покивал, видимо не сомневаясь в своей продукции.

– А не скажете...

– Вот теперь не морщит. – Он откусил нить и отошёл на два шага, любуясь своей работой. – Вот сейчас ви можете пойти в этом жилете куда угодно. Даже выйти погулять в субботу, и все прохожие будут спрашивать, где таки ви пошили такой прекрасный жилетик шмахида? Я вам говорю, у вас в груди будет гордость! И передайте другим террористам, что лучшие жилеты шмахида они могут пошить только у Изи Изряилевича.

– Непременно.

– А в нужный момент дёрнете за эту верёвочку с кисточкой, и готово. Ви в аду, шестьсот шестьдесят шесть порочных демонесс готовы раскрыть вам свои объятия, а Изя Изряилевич снова умница и в очередной раз мастерски сделал свою работу. Ну шо, берёте?

– Беру, – нервно буркнул я. – Можно платить карточкой?

– Конечно! Или я зря родился? Кстати, – сказал он, проведя оплату через устаревший платёжный терминал. – Возьмите мою визиточку и передайте мадемуазель Эльвире, что Изя Изряилевич шьёт не только жилеты шмахида, но и самые лучшие траурные платья. Таки не желаете взглянуть на образцы? Шоб ви могли наглядно описать ей всю красоту, раз так оно и есть!

– Давайте лучше пока по делу. Где то место, которое я должен взорвать? – Я пошёл напролом.

– Мне ещё не сказали. Но таки должны позвонить с минуты на минуту. А что это будет на этот раз – крысиный молочный комбинат в пригороде или швейная фабрика в соседнем Руанске, я не знаю, – развёл руками говорливый портной. – Почему-то её никогда не взрывают. Шо странно, да? Не хотите подработать и взорвать швейную фабрику? Говорю, они самые страшные злодеи, ведь у них даже лекала кривые, подумайте сами, разве они не заслуживают, чтобы отправиться к праотцам, или я зря родился?!

Ответить мне просто не дали, потому что хозяин лавочки к чему-то прислушался и вдруг начал резко выталкивать меня из ателье.

– А теперь так, постойте, пожалуйста, на улице. У меня тут уйма невыполненных заказов, я не хочу потом покупать весь этот материал за свой счет.

– Что вы хотите сказать?

– О вас? Ничего плохого. Но в случае вашего неумелого обращения со взрывчаткой... Ви меня понимаете? Ви же не хотите окончательно разорить бедного портного?!

– Ни в одном глазу, – упёрся я, поскольку мне совсем не улыбалось выходить в мир тикающей взрывной машиной. – Давайте-ка лучше её снимем, спешить всё равно некуда...

И тут раздался телефонный звонок.

– Швейное ателье «Любой каприз»! Да, это Изя Изряилевич. Таки он сам и слушает! А у вас есть шо ему сказать?

В трубке что-то запищало, захрипело и закашляло.

– Можете говорить, и не надо менять голос. Или я зря родился? Что?! Хорошо, хорошо, зачем так горячиться, от этого бывает несварение желудка. Я всё про вас понял. – Он дал отбой в тот момент, когда я наконец подошёл к нему и протянул руку, чтобы забрать трубку.

Но не успел, потому что не решался двигаться слишком быстро в этом жилете.

– Кто это был?

– Ви меня спрашиваете?

– И что он сказал?

– Только то, что вам нужно взорвать городскую библиотеку ровно в шестнадцать ноль-ноль по парижскому времени.

– Зачем? – слегка приобалдел я.

– Таки откуда мне это знать? Моё дело – шить, а не передавать инструкции. И вообще, у меня всё больше крепнут подозрения, шо ви не террорист. Или я зря родился? Как ви вообще пришли в этот бизнес? Идеи, принципы, месть школьной учительнице или более весомое вознаграждение, чем в полиции?

– Ваше дело – шить, а не задавать глупые вопросы. – Я демонстративно потянулся к верёвочке на жилете.

– Тише-тише, молодой чёрт, таки зачем так нервничать? – Он заметно побледнел, поднял руки вверх и отступил к гладильной доске.

– А теперь, гражданин Бронштейн, вы расскажете мне всё, что знаете! Вы не первый год занимаетесь своим преступным ремеслом в этом городе. Думаю, уже давно пора было привлечь вас к ответственности.

– Ой, я таки точно знал, шо ви не террорист. Нужно было верить интуиции, или я зря родился? Но мне показалось правильным положиться на вашу порядочность. Ви ведь не обидите старого бедного портного, которому никто не будет носить чёрствую мацу в тюремную камеру...

Похоже, что из него нелегко будет что-либо вытянуть, он постоянно изворачивался, явно больше по привычке, чем из осторожности. Я же начинал бояться, что в любую минуту мог прийти настоящий шмахид. Нужно перевербовать Изряилевича, пока не поздно...

– Вы должны пройти со мной в полицейский участок.

– Таки шо ви мне шьёте, я ни в чём не виноват!

– Вы пособник террористов, и вы не виноваты?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.